

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«СОТНИК ИЗ БУДУЩЕГО»

АНДРЕЙ БУЛЫЧЕВ

МЫ
ВЕРНЁМСЯ!

ЕГЕРЬ ИМПЕРАТРИЦЫ

4

Егеръ Императрицы

Андрей Булычев

**Егеръ Императрицы.
Мы вернемся!**

«Автор»

2021

Булычев А.

Егерь Императрицы. Мы вернемся! / А. Булычев — «Автор»,
2021 — (Егерь Императрицы)

Перемирие с Турцией затянулось на целый год и ничего не дало. Мирный договор между противоборствующими сторонами заключён не был. Все противоречия между империями предстояло решать не под скрип перьев о бумагу, а под грохот ружейных залпов и визг картечи. У поручика Егорова под рукой команда элитных русских стрелков – егерей. Помогут ли они Родине поставить победную точку в Первой турецкой или ей и дальше греметь на берегах Дуная?

Содержание

Часть I. Дунайские поиски	5
Глава 1. Отдельная, особая рота егерей	5
Глава 2. В штабе	12
Глава 3. У Давида Соломоновича	17
Глава 4. Перед выходом	21
Глава 5. Поиск под Гуробалами	25
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Булычев

Егерь Императрицы. Мы вернемся!

Часть I. Дунайские поиски

Глава 1. Отдельная, особая рота егерей

– Давай свою фузейку, Фомич, у ротного лекаря-то давно уже Ванька Кудряш свойную забрал, а ты вон всё хрипишь да выёживаешься здесь!

Крепкий конопатый егерь, бегущий рядом с худеньким и невысоким писарем, протянул руку и перехватил его фузею за ремень.

– Не тронь ружжо, Данилка! Ты хоть и при капральстве, а всё ж моё енто оружие, вот сам я его и понесу далее. Чай, ужо недалече-то нам до привала осталось! А коли ты кому и хошь помочь, так и ещё вон поболее Спиридоныча разгрузи! Ему-то и своей лекарской сумки за глаза хватит. – И «ротная канцелярия», упрямо мотнув головой, резко, как ему ранее советовали, несколько раз выдохнул, а затем ещё прибавил ходу.

Пятый день большого учебного выхода в заозёрных лесах севернее Бухареста подходил к концу. Мартовский денёк прибавил светового дня, и до вечерних сумерек оставалось ещё часа три, а это означало, что впереди будет один небольшой привал минут на двадцать, а потом ещё приличный рывок часа эдак на два. И только после него отдельная егерская рота будет устраиваться на лесную ночёвку. Но до неё им ещё нужно было дотерпеть, и вновь размокшие от весенней влаги сапоги выбивали грязные брызги из-под кожаных подошв.

Смуглый капрал с резкими, острыми чертами лица выскочил от ближайшего к тропе куста и доложил на бегу молоденькому поручику:

– Вашбродь, тама мелкий соснячок, такой сухонький, как раз под передых нам самое хорошее место будет! Шагов двести по прямой, да ещё чуток наискосок, и как раз вот он самый!

– Веди, Фёдор! Как раз нам уже время подошло малый привал делать. – Егоров обернулся и махнул рукой, указав на Цыгана. – Рота! За дозорным капралом бего-ом! Через двести шагов привал будет, подтяни-ись!

Длинная колонна свернула вслед за дозорным в лес, и мимо Алексея плутонг за плутонгом пробежала вся сотня егерей. Новеньких в ней было большинство. Лишь несколько «старичков» в унтерских и капральских званиях пронеслись по натопанной тропе, ведя за собой свои подразделения. Хвост отряда заскочил в лес, а вот в отдалении показался и заслонный десяток.

– За мной, Ермолай! – Поручик махнул призывно рукой, и капрал заслона, нагнав его, пристроился рядом. – Ну что, Авдеич, держатся твои, никого нужды нет подгонять?

Волчий хвост на зимнем, подбитом мехом картузе резко дёрнулся, и егерь, мерно дыша, пробасил:

– Да не-ет, не нужно подгона, вашбродь! Вона как стараются кутёнки, как же, цельный заслон им доверили на этом выходе! Чай не хуже всех прочих в моём десятке-то солдатики будут! Дэк и времени-то сколько прошло, ужо ведь пятый месяц как вон сбивается наша рота.

– Это да-а, – согласился с ним Лёшка. – Совсем уже не то, что недавно, всего-то вот прошлой осенью было. Не зря те вёдра пота были пролиты!

– Не зря-я, – пробасил вслед за своим командиром капрал и чуть-чуть от него приотстал. – Филиппка, Евсейка! Ну чаво несётесь-то как оглашенные, что-о, никак отдых почуяли, зайцы вы пуганые?! А ежели ненароком сейчас вдруг турка из того вон леса выскочит, и кто же

тогда всей нашей роте хвост стеречь будет? Говорили же вам: перед привалом завсегда самый оберег нужен! Чай и у басурман тоже свои разумники есть, вона, те же горные албанцы али волки-беслы, эти завсегда слабину чуют. То учение у нас уже кровью писано! Шире, шире огляд ведём, Сёмка! Не враз все по набитой тропе уходим!

Как видно, около десятка лет назад в том месте, где сейчас расположились егеря, прошел огненный пал. Старый лес весь здесь выгорел, а на месте пожарища затем поднялся густой кустарник, и уже с человеческий рост выросли на этой поляне молодые сосенки.

– Алексей Петрович, боковые дозоры выставлены, рота расположилась на привал, все в наличии, отставших и больных нет! – докладывал с чуть уловимым акцентом высокий прапорщик. – Только у лекаря Мазурина нога до крови сбита, да с седьмого десятка у Валерьяна сучок от сухой валежины ногу распорол, когда он боковым дозором по бурелому пробегал. Рана неопасная, крови из неё мало вышло, обработали её, и на скорость подразделения она не влияет.

– Хорошо, Живан, понял, ты давай, пока есть время, и сам отдохни, – кивнул своему заместителю Егоров и сбросил со спины походный мешок. – Думаю, что до сумерек мы ещё часа три после этого привала успеем захватить. А это почитай, что вёрст восемь, а то и девять ещё точно нам пути будет. Как раз таки переночуем, два утренних перехода сделаем и уже к обеду у Бухарестских озёр окажемся, а это, считай, мы как у себя дома.

Лёшка отстегнул с мешка скатку плотного вошёного полотна и, расстелив его на грязном раскисшем снегу, лёг сверху, а затем, отряхнув, закинул свои ноги прямо на подложенный там же мешок. Хорошо! Усталость вместе с тягучей и сладкой дремой так и подкатывала. Чувствовалось, как кровь отливает от натруженных за время похода конечностей. Весеннее солнышко Валахии ласково пригревало, убаюкивая, и оттого очень хотелось спать. Алексей ласково погладил пристроившийся у него на груди штуцер и вспомнил прошлую осень.

– ...Приказом по военной коллегии от июля месяца сего года при главном квартирмейстерстве первой дунайской армии генерал-фельдмаршала, графа Румянцева Петра Александровича, создаётся отдельная особая егерская рота общим числом в сто двадцать пять душ, при десяти капралах, пяти унтер-офицерах и четырёх старших унтерах. Господ обер-офицеров при этой роте всего будет четверо!

Структура отдельной особой роты егерей главного квартирмейстерства первой дунайской армии

Командир роты (ober-офицер) Егоров Алексей Петрович Заместитель командира роты (ober-офицер) Милорадович Живан Старший унтер-офицер роты Дубков Иван Макарович Барабанщик роты (капрал) Леонид Старший вестовой роты (рядовой) Афанасий							
1 полурота				2 полурота			
Ober-офицер Гусев Сергей Владимирович Старший унтер-офицер Зубов Иван Карпович Вестовой (рядовой)				Ober-офицер Старший унтер-офицер Осокин Тимофей Захарович Вестовой (рядовой)			
1 pluton		2 pluton		3 pluton		4 pluton	
(Унтер-офицер) Трифон Кузьмич Андреянов 2 пионера (Савва Ильин + 1)		(Унтер-офицер) Кузьма Иванович Травкин 2 пионера		(Унтер-офицер) Емельян Архипович Сорокин 2 пионера		(Унтер-офицер) Иван Матвеевич Зотов 2 пионера	
1 отделение	2 отделение	3 отделение	4 отделение	5 отделение	6 отделение	7 отделение	8 отделение
(Капрал) Селантий Семенович Опарин	(Капрал) Степан Матвеевич Усков	(Капрал) Иван Иванович Ковалёв (Кудряш)	(Капрал) Ермолай Авдеевич Прошин	(Капрал) Игнат Пахомович Пяткин	(Капрал) Анисим Кузьмич Варламов	(Капрал) Терентий Леонидович Рябов	(Капрал) Данила Тихонович Котов
10 рядовых	10 рядовых	10 рядовых	10 рядовых	10 рядовых	10 рядовых	10 рядовых	10 рядовых
Дозорное звено (6 человек)		Старший звена (капрал) Лужин Фёдор Евграфович (Цыган) + 5 рядовых (Борис, Лазар и Велько Вучевичи + ...)					
Оружейники (2 человека)		Курт Шмидт (унтер-офицер) + рядовой Василий Афанасьев					
Тыловая группа (6 человек)		Старший группы (старший унтер-офицер) Ёлкин Потап Савельевич + лекарь Мазурин Акакий Спиридонович + писарь Осипов Павел Фомич + 3 младших интенданта (рядовые)					

Полковник фон Оффенберг обвёл долгим взглядом замерший перед ним строй из егерей и, найдя в нём нужных ему людей, повысил голос:

– Фурьер Гусев, ко мне!

Барабанщик команды чётким строевым шагом вышел из солдатской шеренги и доложил барону.

– Матушка императрица, всемилостивейшая наша Екатерина Алексеевна жалуёт вам и всей вашей семье дворянство! Вам же лично, кроме одного, указом по военной коллегии от 25 июля сего года ещё к тому присваивается первое офицерское звание – прапорщик! Поздравляю вас, господин ober-офицер! – и полковник вложил в руку совершенно опешившего от неожиданности Сергея офицерский горжет сплошного серебристого цвета. Егерь же совсем растерялся и, стоя перед ним, хлопал глазами.

– Ну что это, поручик, порядка они у тебя, что ли, не знают, али и не рад он даже вовсе? До возвращенного-то его батюшке чина ему самому-то вон, ещё три ступеньки службы скакать! – и Генрих Фридрихович с нарочитой строгостью нахмурил брови.

Алексей сжал кулак и продемонстрировал его уже бывшему барабанщику команды.

Серёгу враз отпустило, и он на всю Бухарестскую площадь громко заорал:

– Благодарю покорно, вашвысокоблагородие! Служу матушке нашей, всемилостивейшей императрице и всея российской державе!

– Ну то-то же, вот сейчас я вроде как вижу, что рад! – усмехнулся барон. – Ступай в строй, голубчик, а вот офицерский шарф ты уже и сам себе, чай, прикупишь да наденешь, как и полагается.

Затем он опять оглядел солдатский строй и, сделав уставное лицо, вновь выкрикнул команду:

– Капрал Милорадович! Ко мне!

Из строя вышел высокий, чернобровый, с орлиным носом на красивом и чуть смуглым лице Живан и чётко доложил о своём прибытии старшему штаб-офицеру.

– Вам, Милорадович, тем же указом, что и у Гусева, также присваивается первое ober-офицерское звание прапорщика! Но вот боюсь, что тебе до чинов твоего двоюродного дядюшки Андрея Степановича добираться гораздо тяжелее будет, чем вон тому же Гусеву. Но

ты всё-таки не журись, господин прапорщик, коли и он до бригадирства дошёл, так чем ты, со своей сербской отчаянной отвагой, хуже его будешь?!

Новоиспечённый офицер громко прокричал благодарность, традиционную здравницу императрице и по приказу полковника встал в строй с того правого фланга, где теперь уже стоял прапорщик Гусев.

Фон Оффенберг медленно прошёлся вдоль строя.

– Командование армии ценит вашу доблесть и ваше высокое рвение в службе егеря! Вы своими громкими делами по праву заслужили эту высокую оценку. Поверьте, впереди ещё много боёв и трудов воинских, и пусть вас даже не смущает этот тягучий год шаткого перемирия. Победу над османами мы всё равно будем добывать своей меткой пулей и грозным ударом штыка, но никак не скрипом перьев о писчую бумагу. Готовьтесь к новым походам и к баталиям, братцы! А перед тем вам предстоит собрать и так подготовить свою новосозданную особую роту, чтобы она ничем не уступала теперь уже прежней егерской команде, а только лишь превосходила её во всём!

Барон обернулся к Егорову.

– Набирайте новых людей, поручик! В любых полках и в отдельных батальонах приглядывайте для себя годных солдат! Учите их своим егерским хитростям и премудростям, сбивайте в свои плутонги и десятки и ставьте над ними умелых унтеров да капралов. Время у вас, я полагаю, до весны ещё есть, а потом будет вам дело!

* * *

Словно бы только вчера это всё было, а вот ведь уже миновала дождливая осень, за ней пролетела снежная зима, и теперь всё больше власти над природой забирает эта ранняя, южная, валашская весна. Подходило то время, когда подготовленной роте егерей будут поручены главным квартирмейстерством армии новые горячие дела. И, по всей видимости, уже совсем скоро нужно будет ждать боевого приказа. Долгие мирные переговоры в середине февраля 1773 года завершились, не поставив точку в этой войне, и османская делегация, покинув их, убыла за Дунай на свою сторону.

Всё, пора вставать! Ноги, обутое в короткие кожаные сапожки уже успели немного отдохнуть, и теперь нужно было бежать дальше. Если сейчас дать себе и своим людям слабинку и пролежать здесь хотя бы ещё с полчаса, то тело совсем остынет, и тогда уже вставать и двигаться дальше будет гораздо труднее. Лёшка с усилием приподнялся со своего полога и оглядел место привала. Всюду, куда бы он сейчас ни посмотрел, были видны фигурки егерей, лежащие так же, как и их командир: под спиной непромокаемое вошанное полотно, ноги приподняты вверх, а личное оружие бережно прижато к груди.

– Рота, подъём! Всем быстрая оправка, и снова вперёд! Дозор может уже сейчас уходить! Боковые звенья и заслонный десяток пока те же! – и Егоров, закинув за спину отцовский штуцер, начал первым сворачивать свой полог. Через десять минут только лишь вдавленные в серый сырой снег ямки указывали на то, что тут только что совсем недавно была большая сотня людей. И вновь потянулись вёрсты пути по пересечённой и труднопроходимой лесной местности.

– Внимание! Кавалерия с тыла! Заслон вырублен, а на нас идёт лава! Меня рядом нет, действуйте! – выкрикнул вдруг вводную Лёшка и чуть отступил в сторону, придирчиво оценивая действия своих подчинённых.

Милорадович, резко подобравшись, осмотрелся вокруг. Да-а, командир коварен, вон он какое неудобное для обороны место им выбрал! Задача, поставленная поручиком, осложнялась ещё тем, что рота сейчас бежала по большой лесной поляне. Удобных буераков или русла речки, плохо проходимых для конницы, поблизости не было, а вот места, где ей можно было

сейчас разгуляться, виднелось вокруг в избытке. И оценив обстановку, Живан резко поднял руку вверх.

– Внимание, рота! Принимаю командование на себя! Всем надеть на ружья штыки! Прапорщик Гусев, ведите второй, третий и четвёртый plutонги к ближайшей опушке колонной! – Живан махнул рукой в сторону леса, указывая направление. – Пионеры первого и четвёртого plutонгов, ко мне! Достать осколочные фугасы! Первый plutонг, в две шеренги становись, отходим вслед за ротой, пятясь! Быть готовыми прикрыть своим огнём пионеров! Пионеры, осколочные фугасы с замедлением на двадцать секунд ставь!

Рота стремительно, блестя штыками, отходила сомкнутым строем к лесу. Четыре одиночные фигурки, вытащив из наплечных кожаных мешков фугасы, быстро устанавливали их перед пятящимся заслонным plutонгом.

– Фугасы не подрывать, задача учебная! – снова подал команду Егоров. – От опушки раздался залп османских лесовиков арнаутов, Милорадович и ещё пятеро егерей тяжело ранены. Действуйте!

– Внимание, рота, беру командование на себя! – рявкнул Гусев. – Лекарь, к командиру, всех раненых в центр колонны! Рота, вперёд! Первые две шеренги бить гранатами, всем в штыки! Выбить албанцев с опушки! В атаку! Ура!

– Ура-а-а! – разнёсся рёв сотен глоток. Егеря пошли на прорыв.

* * *

Солнце задело своим краешком за вершинки букового леса. Ещё пара десятков минут – оно вовсе скроется, и под пологом этих деревьев станет совсем темно.

Алексей подозвал к себе ротного вестового, весёлого неунывающего парня:

– Афоня, бери с собой вестового из первой полуроты, пробегите с ним вперёд, предупредите дозорных, чтобы там хорошенько огляделись да искали нам место для ночлега. Ну, всё, давай, вперёд!

Незнающему человеку найти ротный лагерь было сложно. Спрятан он был со всем старанием и с уже отточенным егерским искусством. В лесной чаще у небольшого ручейка отгораживался он от случайных взглядов внешним кольцом пологов, грел хитрыми бездымными кострами разведчиков его хозяев, и не выдавал их он ни искрой, взлетевшей от сгорающих дров, ни отблеском от пламени и ни запахом гари.

Ужин сообразили быстро, все устали, и наваривать кулеш желания ни у кого уже не было. В ход шёл привычный талкан, быстро заваренный из муки крупного помола от обжаренного ячменя, одобренный для вкуса топлёным маслом, душистыми пряными травами и солью. Некоторые егеря добавляли в него ещё кусочки вяленого мяса или копчёной колбасы. Молодые солдаты, такие как ротный барабанщик Лёнька, предпочитали докладывать в него орехи и мёд. В любом случае был он всегда очень сытным и питательным.

Алексей подозвал командира третьего plutонга Сорокина Емельяна:

– Архипыч, сегодня ночной караул будет на твоём третьем plutонге, сам расставляешь и проверяешь своих людей. К подъёму не забудьте ещё кипятку на всех сварить!

– Есть, вашбродь, сделаем, – кивнул унтер. – Вы ложитесь, отдыхайте уже, замаялись ведь поболее всех нас.

– Да ну-у, нет, брось ты, чего уж там, так же, как и все, – усмехнулся в ответ Лёшка и оглядел весь свой лагерь. – Рота, отбой! Подъём утром ещё затемно! – и сам прилег, привалившись к спине Макарыча. Костёр разведчика невидимым глазу жаром отбрасывал тепло на растянутый верхний полог, а с него – уже на лежащих внизу егерей. Было тепло, сытно и сухо. Всё-ё...

Тело расслабилось, и Лёшка провалился в глубокий, как омут, сон.

* * *

После трёхчасового утреннего рывка и одного малого привала рота приближалась к предместьям Бухареста.

– Да уж лучше бы дома у себя, на квартировании обедать, чем в этом стылом лесу! Чай, недалече теперяча, во-он уж и озё-ёра наши совсем рядом, – пробасил Савва, поправляя на бегу лямки своего пионерского фугасного ранца.

– Да тебе-то хоть до вечера скакать можно! Моржа вон поймал в студёном море, закинул себе на спину да тащи его до избы! А чё нет-то? Все ведь вы, архангелогородские поморы, там такие отмороженные, – подколот здоровяка командир первого плутонга Трифон.

– Да не-ет, Трифон Кузьмич, чё-т подустал я маненько, – признался пионер, шумно выдыхая на бегу. – Тяжёлые всё ж таки они, энти фугасы. Как вон ни старался наш Васяня с ранцами, а всё же набивают они хребтину в дороге.

– Ну а как же ты, Саввушка, хошь, железо – оно ведь тако-ое! Полтора пуда в них веса точно есть, а вы ещё и в мешочках пороха отдельно в энти вот свои ранцы наклали. Да и вон сама эта кожная сбруя, да и топор ваш, помимо фузейки, сколько ещё веса тянут! – и унтер кивнул на всю переносимую ротным сапёром приспособу. – Ажно жалко мне вас, бедолаг минёров!

– Да ничё-ё, Кузьмич, чай, сдюжим, мы ведь двужилые, – улыбнулся помор. – Поди, недалече осталось бжать, а там и спину в баньке отпарю.

Рота действительно приближалась к Бухаресту. Показались такие знакомые по постоянным воинским учениям места. Ещё немного – и пойдут большие поляны, а там, глядишь, откроются опоясывающие город с севера озёра. К одному из них, к озеру с красивым названием Флоряска, сейчас как раз таки и выходил егерский отряд.

Неожиданно спереди, с той стороны, где был передовой дозор, раздался резкий свист, а через несколько секунд из перелеска на дорогу выскочило звено Цыгана.

– Конница! До полусотни, вашбродь! – крикнул издалека Лужин, ещё не добегая до основного отряда. – На казаков вроде наших похожи, да кто же их там издали разберёт? В нашу сторону они по дороге скачут!

– Казачий разъезд? – гадал Лёшка. – Всё может быть, время нынче тревожное, и командование вполне могло пустить конные партии для поиска, пусть даже и в эту тыловую сторону. В любом случае осторожность сейчас лишней не будет, – и он махнул рукой. – Пионеры первой полуроты, мины в ста шагах перед шеренгами ставь! Шнуры пока не запаливать!

– Рота, штыки надеть! Подковой в две шеренги станови-ись! Без команды никому огня не открывать!

Через полминуты вылетевшую из-за поворота дороги конницу встречало более сотни нацеленных на неё фузей и штуцеров. А сама дорога была ей перегорожена щетиной штыков. Секунда – и рой пуль выбьет из седел десятки всадников, а остальных примет на себя та кованая, остро отточенная сталь, что была надета на стволы ружей.

– Стоять! Свои! Курок на предохранительный взвод! – рявкнул Лешка, выбегая перед строем.

От конного отряда, замершего в двух сотнях шагов, отделилась пара всадников и подскакала к нему.

– Ляксе́й, никак ты опять?! – Крепкий казачина в синем кафтане соскочил с коня и подбежал к поручику.

– Сечень, Емельян?! – Лёшка вгляделся в знакомое лицо. – Вот так встреча, ну, прямо как два года назад, и почти на том же месте!

– Ага, – усмехнулся казак, – только вы-то уже в их благородиях состоите, а, господин поручик? – протянул он шутливо. – Да ещё и с целой грозной сотней за своей спиной, – и он кивнул в сторону строя, не опускавшего без команды свои ружья.

Егоров оглянулся и махнул рукой.

– Отбой, братцы, свои это, третий донской полк! Всем десять минут передышка! А ты, я гляжу, уже тоже не десятком, как вон раньше, командуешь, а, Емельян? – повернулся он опять к казаку. – Не просто так эти два года прошли? Чего вы тут скачете-то? Супротив кого свой поиск по этой вот северной стороне ведёте?

– Да-а, есть такое, подхорунжий уже, – подтвердил предположение егеря казак. – Во-от, подрост маненько в чинах, недавно даже полусотню доверили. Так и, глядишь, к себе домой, в станицу, аж цельным сотником поеду, ежели, канешна, то господь Бог даст, да и воинское везение коли случится. Ну а насчёт поиска, так уже третий день как генерал-фельдмаршал свой указ отдал по войскам, чтобы, значится, от ворога нам обезопаситься. Война ведь началась, Алексей! Турка от Гирсова и от Силистры сразу аж два поиска к нам сделала. Говорят, что на нашем берегу они отряд фуражиров подчистую вырезали, да ещё и пару сёл валашских дотла сожгли. Вот от каждого от конного-то полка по три полусотни наемни в дозоры пошли. Мы вон хотели по этой дороге на север вёрст эдак около пяти проскочить, ну а потом уже старым трактом на Урзичени свернуть, а далее к Гирсову по прямой двигать. Ну а тут вона, вишь, как вышло – ты нам по пути повстречался.

– Понятно, – кивнул Егоров. – Значит, война началась, и османы сразу же зашевелились? Ну что же, Архипыч, побежали и мы к себе в расположение. Надобно будет и мне до вечера успеть в штаб явиться. Удачного поиска вам, станичники!

– И вы прощевайте, Ваше благородие! – махнул ему рукой подхорунжий и вскочил в седло. Мимо казаков одно за другим пробегали подразделения егерской роты. Всадники смотрели на этих вымотанных грязных стрелков со свойственной всем всадникам снисходительностью.

– Пяхота на своих двоих по лужам шлёпает. Вона все какие мокрые да грязные ажно по самые уши!

Через час, миновав городские предместья, рота егерей прибыла к месту своего постоянного квартирования.

– Всем оправка, помывка и обед! Потом отдых. Вечернего построения сегодня не будет, – распорядился поручик, распуская роту. – Ко мне после ужина прибывают только господа обер- и старшие унтер-офицеры! Всё, братцы, отдыхайте!

Теперь можно было заняться и собой, привести себя в надлежащий вид и порядок после многодневного пребывания под открытым небом, да и вообще, просто перевести немного дух.

После обеда, когда все уже будут укладываться на отдых, Лёшка решил отправиться в главное квартирмейстерство армии. Нужно было узнать все последние новости в штабе и получить указания от своего прямого начальника, полковника генерального штаба военной коллегии Генриха Фридриховича, барона фон Оффенберга. Было у него и ещё одно деликатное дело, которое Лёшка всё откладывал до поры до времени.

Глава 2. В штабе

– Ну не томи, не томи, Митенька, ты же всё тут знаешь, дорогой! Через тебя ведь любое важное здесь дело проходит, давай уже не томи, выкладывай все последние новости. Я-то ведь за эту последнюю неделю совсем уже в лесу одичал, ничего не знаю, что сейчас в целом мире творится! – выпрашивал с улыбкой у молоденького штабного адъютанта Егоров.

Тот хмыкнул, скосил глаз на свой новенький, начищенный до яркого блеска офицерский горжет и с напускной важностью кивнул.

– Ну а как же ты хотел, господин поручик, при такой-то должности всё здесь через мои руки завсегда проходит. Любое важное дело или какая-нибудь там оказия со столицы, ну или, напротив, в Санкт-Петербург если от нас вдруг срочное донесение идёт, везде господин бригадир на меня надежду имеет. Чтобы всё подготовить в большой срочности и куда нужно, потом это всё передать. Тут никакого волокитства, Алексей, быть не может. Государственной важности дела в главном квартирмейстерстве армии творятся, сам ведь ты знаешь!

– Это да-а, – поддакнул ему с улыбкой Лёшка. – Не то что мы, зелёная пехота, наше-то дело маленькое, знай своё ружжо заряжай да бей из него прицельно. Вишь, Митрий Александрович, как тебя начальство-то ценит, год ещё не прошёл, а ты уже в подпоручиках. Ещё чуток – и герб горжета, как и у меня, тоже золотым станет, – и он погладил свой нагрудный знак поручика.

– Ну, это уж как начальство посчитает, – нахмурился Митя. – Его высокородие иной-то раз ох ведь и строг же бывает! Задержишь, к примеру, какую депешу на отправку вестовым, али к нам из канцелярии эти писарюги срочную почту заволоkitят, а он-то ведь меня за всё спрашивает! Вот иной раз и думаешь: лучше бы в пехотном полку полуротой командовал или вон, как ты, по полям да по лесам бы бегал. Красота ведь: птички поют, солнце ласково тебе светит, на костерке ароматным парком котел пыхтит, – и подпоручик мечтательно улыбнулся.

– Ну да, солнце светит, птички поют, пули посвистывают, – усмехнулся Лешка, почёсывая свой шрам на щеке.

Митя очнулся от своих грёз и внимательно посмотрел на егерского поручика.

– Не-е, ну-у, так-то у вас, Алексей, тоже служба ещё та, конечно, очень даже она серьёзная. И командование вашу роту весьма ценит. Я вот что хотел у тебя спросить, Лёш. Мне бы вот трофей какой-нибудь после войны привезти домой, сам же понимаешь, эти баталии когда-никогда, а всё ж таки закончатся, и я, пожалуй, обратно потом в столицу убуду. А там эти повесы, пороха не нюхавшие да только на балах свои камзолы обтирающие возле девиц, не то что вот мы с тобой, настоящие боевые офицеры!

– Это да-а, – протянул Егоров. – Столичная жизнь – она такая, камзолов на все балы да на рауты не напасёшься. Ладно, Дмитрий Александрович, будут тебе трофеи, чтобы перед столичными повесами боевому офицеру достойно выглядеть. Ты мне-то про все последние новости расскажешь али как?

Адъютант встал из-за стола, подошёл к двери в комнату бригадира Денисова и прислушался.

– Всё совещаются! Небось уже второй час пошел, как они там всё сидят, – прошептал подпоручик и прошёл на своё место. – Ну, с чего тебе начать рассказ, Алексей? Про то, что мирные переговоры у нас сорваны, и то, что османская делегация к себе за Дунай ушла, ты это и так уже сам знаешь. Матушка императрица прислала наместнику нашему генерал-фельд-маршалу приказ: «...Вынудить у неприятеля силой оружия то, чего доселе не могли переговорами достигнуть, и для того с армией или частью её, перешедши Дунай, атаковать турок...» Война-то у нас сильно затянулась, в центральных губерниях опосля чумного бунта, неурожая да дополнительных рекрутских наборов сейчас весьма беспокойно. На Дону да за Яиком вон и

вовсе волнения идут против старшинской верхушки казачьего войска. Его вроде бы как сейчас задавили, но там всё одно нет-нет да где-нибудь полыхнёт, на такой-то протяжённой степной линии. В казне средств мало, она истощилась, а новые подати только лишь ещё более недовольство у простолюдинов усиливают. Вот и решено было поскорее ставить победную точку в войне, а для этого сейчас требуются решительные действия здесь, в нашей Валахии да за Дунаем. Но Петр Александрович пока переходить реку всей армией опасается, ссылаясь на тройной перевес за ней турок и на отсутствие у него средств для переправы всех своих войск. В Польше конфедератов доби́ли и теперь сюда стягивают все освободившиеся полки, ну а с ними приходят и наши воинские начальники. Вот, совсем скоро к нам в ставку прибудет генерал-майор Суворов, а с ним ещё немало тех, кто недавно гонял шляхту. Основные боевые действия корпусов, наверное, начнутся не ранее конца мая, а то даже и вообще июня месяца, когда здесь просохнут все дороги. Пока же планируется проведение поисков на противоположной стороне Дуная. Этими самыми поисками предполагается выбить поболее живой силы противника, порушить его ближайшие к реке крепости, ну и вообще изучить всю ту болгарскую местность для последующего наступления на Балканы.

– Да, я так и предполагал, что летом армия выгонит османов за Варну и за Шумлу, – кивнул Егоров. – А перед этим хорошую разведку правого, турецкого, берега сделает. Вот как раз там-то нам, похоже, и будет самое дело!

– Ну да, – согласился Митя. – Вам к дальним выходам ведь уже не привыкать. Однако пока мы тут всё планируем да совещаемся, – и он кивнул на дверь, – турки уже сами на нашу сторону стали переправляться и начали наши небольшие партии да команды выбивать, а теперь вот ещё и селения валахов на левом берегу жгут, чтобы только нам фуражом да провиантом негде было бы запастись.

В это время из-за двери в соседней комнате послышался шум голосов, стук стульев, и она открылась.

– Долго жить будешь, поручик! Только что вот о тебе вспоминали! – Перед Егоровым стоял его куратор и прямой начальник барон фон Оффенберг. – Посплетничали уже между собой, пока мы там совеща́лись? – подмигнул он враз покрасневшему Мите. – Ну, вот и ладно, всё мне меньше времени тратить, рассказывая этому бродяге все последние новости. Пошли, вояка! Вон как лицо загорело за неделю, словно бы и не в мартовском лесу был, а на летнем морском побережье.

– Селантич, чайку нам завари, того, китайского, кяхтенского, чёрного, что я тебе намерен давал! – попросил он дежурного комендантского капрала, что стоял в длинном коридоре, и толкнул дверь в свой кабинет. – Заходи, Алексей, шинельку с картузом во-он на тот вот гвоздик повесь да к столу присаживайся. Рассказывай, как у тебя дела в роте обстоят? Что дальний учебный выход показал? Какие вылезли сложности или недоработки нынче в лесах?

Лёшка присел у большого дубового стола и аккуратно сдвинул в сторону карту с многочисленными, нанесёнными на неё пометками.

– За эти пять месяцев, Ваше высокоблагородие, особая отдельная егерская рота главного квартирмейстерства армии полностью укомплектована, вооружена и экипирована, а весь её личный состав прошёл обучение и боевое слаживание в подразделениях. На унтерских должностях в ней в основном стоят опытные солдаты и капралы из прошлой нашей команды. Но двоих хороших унтеров, с кем мне в своё время довелось служить в Апшеронском полку и в сводном батальоне на Бендерах, я всё ж таки к себе переманил и поставил на третий и на четвёртый плутонги. По людям у меня осталась одна забота – это найти обер-офицера на вторую полуроту. Там до сих пор это вакантное место не закрыто, а замещающий командира подпорщик Осокин Тимофей уже изрядно измаялся и говорит, что ему знаний мало и ответственность за людей на него слишком давит.

– Так в чём трудность-то, Алексей? Неужели во всей нашей армии подходящего опытного офицера ты себе не можешь найти? – удивился Генрих Фридрихович, пододвигая к поручику фарфоровую чашечку от чайного сервиза с модным и таким ароматным напитком.

– Да есть, конечно, офицеры, Генрих Фридрихович, много их, и желающих перейти в особую роту предостаточно, но нет, не то это всё, не те это все люди, Ваше высокоблагородие. Для них, прослуживших в пехотных полках и даже в егерских батальонах, наша организация, построение, весь наш уклад и особый способ ведения боя весьма чужды и непривычны. Даже само обращение к своим подчинённым и само отношение к ним в их подразделениях совсем отличаются от нашего. У нас, конечно, солдаты порядок и субординацию соблюдают строго. Между офицерами и нижними чинами дистанция, как и полагается, разумеется, тоже есть. И всё равно командиры в роте больше как отцы, ну или как старшие братья выступают и эту сословную высоту своими личными делами да умением подкрепляют. А эти приходят из линейных рот и давай здесь горлом, кулаком, а то и вовсе палкой свой авторитет устанавливать! Ну и как за такими «в огонь и в воду» мои «волкодавы» пойдут? Сами ведь знаете, какие у нас сложные дела! Лучше уж без человека совсем, чем вот с таким. Да и «наши господа, благородия», что Милорадович, что Гусев, вон бегают и стреляют не хуже любого рядового егеря, а для пехотных офицеров сие очень сложно, им нужны долгие месяцы, чтобы по стрелковой подготовке мои нижние чины нагнать, а война ведь не ждёт. Найдётся ещё, я думаю, подходящий для нас человек, не будем мы пока с этим спешить.

– Ну, как знаешь, Алексей, – кивнул полковник. – Ты командир, и тебе самому решать, как своё подразделение изнутри строить. Ещё что не так?

– Да проблемы-то всё те же, Ваше высокоблагородие, – в смущении опустил свои глаза поручик.

– Ага, никак опять за штуцеры будешь просить, – усмехнулся барон. – А помнишь, как я тебе у главного интенданта три последних, можно сказать, с кровью вырвал? Помнишь, а, Егоров? Ко мне потом все три полковника подходили, кому в полк этот штуцер не попал. Да ещё и сам главный квартирмейстер потом попенял, что я своих любимчиков в ущерб другим нарезным оружием обеспечиваю. Так что ты уж извини, голубчик, тут я тебе ничем помочь не смогу. Сам ведь знаешь, винтовальное оружие весьма дорогое и очень трудное в изготовлении, а его поставки с казённых заводов постоянно срываются. У вас, сам же ты говорил, аж восемнадцать стволов на роту, и это не считая ту большую дуру, которую вы под сверхдальний бой приспособили.

– Ну да, – опять вздохнул Егоров, – восемнадцать. Для команды, даже расширенной, оно, конечно, самое-то было. По сути, на двух фузейщиков у меня по одному штуцернику приходилось, а сейчас даже не каждый унтер, а уж тем более капрал вот такое вот винтовальное оружие имеет. Вы ведь и задачи нам ставите такие, какие даже не каждому егерскому батальону по плечу, а у меня вон, даже не у каждого солдата есть пистоль в наличии, и сабель, да тесаков только лишь на половину новеньких хватило, – и он, вздохнув, уставился, насупившись, в пол.

Полковник поднёс чайную чашечку к носу, глубоко вдохнул аромат напитка и только потом из неё отхлебнул.

– Эх и хороший же чай, как по мне, так вот этот, что к нам через Кяхту и уже далее по Сибирскому пути завозят, гораздо ведь лучше того же английского будет. Как тебе чаёк-то, Алексей Петрович? – и барон с улыбкой взглянул на Лёшку.

– Да чай как чай, – буркнул тот и, разом осушив свою чашку, поставил её на стол. – Наш кипрейский вот ничем не хуже заморского будет, а пользы от него так и поболее небось. Так что с саблями и с пистолями делать, Ваше высокоблагородие? Для близкого ведь боя или в той же тесной сшибке и в суতোлке схватки незаменимое это оружие. Мы, конечно, трофеями их себе ещё возьмём, но это сколько же времени для того нужно будет, да и калибры у турецких

пистолетов все разные, одно неудобство с ними, что ни ствол, то отдельно пулю ему лей и мерку пороха ещё готовь!

– Зануда ты, Егоров, – вздохнул фон Оффенберг. – Скучно с тобой. Даже о благородных напитках с тобой не поговорить. Каждый такой разговор всё одно к попрошайничеству у тебя сводится. – Ладно, ладно, молчи лучше! – махнул он рукой и придвинул к себе лист бумаги. – Штуцеров, сразу говорю, нет и для вас ещё долго не будет. Воюйте тем, что сейчас есть, ну или же, скажем, трофеем у супротивника берите. Только не вздумайте втихую их у наших порочных интендантов скупать! А то знаю я, откуда у вас после взятия Бендер несколько личных стволов в команде нарисовалось. Ладно, ладно, – успокоил он вскинувшегося было поручика, – не нашей армии то головная боль. Итак, недавно пришёл оружейный обоз для карабинерных и драгунских полков, коих начали сейчас перевооружать. Пять десятков пистолей, – и, посмотрев в умоляющие глаза Лешки, нахмурился. – Семь десятков драгунских пистолей вы получите из этого обоза. Сабли, хм, с ними вот как раз посложнее. Сейчас с вооружения лёгкой конницы снимают тяжёлый палаш и перевооружают все кавалерийские полки на сабли. Тульских клинков пока для всех не хватает. Есть мысль строить казённые заводы на Урале, но когда это они нам хорошее оружие дадут? Ладно, возьмёте тридцать облегчённых гусарских сабель, – и барон вписал их в запрос по интендантству. – Что-то ещё?

– Тромбонов-картечниц для вооружения пионерских пар не хватает, хорошего огнепроводного шнура у нас совсем мало, ну и так, по всякой прочей мелочи тоже имеется нехватка, – перечислял Егоров.

– Ну, это ты уже и без запроса с премьер-майором Филипповым всё обсудишь. Он как раз, пока ты на своём выходе был, новый чин успел получить, вот и подойдёшь к нему правильно, поздравишь, улыбнёшься, как вон сам умеешь. Глядишь, и ещё чем-нибудь для своей роты разживёшься, вы-то с Карпычем и со своим унтером из ротного интендантства, как уж его там зовут?

– Каптенармус Ёлкин, Потап, – подсказал Лёшка.

– Ну вот, да, со своим Ёлкиным, с этим шустрим малым, ко всем уже подходы нашли. Знаю, как вы умеете, когда вам нужно, любому начальству нравится, так что небось уж совсем без воинского добра-то не останетесь. То, что вам будет нужно, получайте смело, вот здесь можешь и на меня сослаться, что, дескать, всё с этим штабным полковником немцем обговорено и им же одобрено, – и барон размашисто подписал лежащий перед ним интендантский запрос. – Держи, поручик, вооружай свою роту! А вот теперь уже давай-ка поговорим с тобой о грядущих делах. – И Алексей сосредоточился. Было понятно, что вся эта беседа, что только что здесь происходила, предваряла собой главный разговор о предстоящем для егерей деле.

– Ну, по общей обстановке ты, наверное, уже хорошо осведомлён, небось, Митенька тебя обо всём подробно просветил, – улыбнулся фон Оффенберг, наливая из фарфорового чайника горячий чёрный напиток в свою чашечку. – Ты давай-ка, подливай ещё себе чаю, поручик, не стесняйся, – и он продолжил беседу: – Так вот, Санкт-Петербург требует от нас решительных действий на противоположном, турецком, берегу Дуная. Пётр Александрович прекрасно понимает, что здесь, за рекой, ему долго не усидеть и переправлять армию на правый берег всё равно вскоре придётся. Дело это непростое. Перебросить все войска враз уж точно не получится. Для этого нужно прежде их подтянуть по весенним дорогам из глубины Валахии и из Бессарабии, раздобыть средства для переправы, подвести с мест докования и с зимних стоянок суда дунайской флотилии, обеспечить всех провиантом и фуражом, да много чего ещё нужно, а время-то поджигает. Турки у себя опираются на уже имеющиеся у них сильные крепости и на только что недавно отстроенные вдоль всего правого берега фортеции. Там у них стоят сильные гарнизоны, которые-то и должны принять на себя первый удар нашей переходящей реку армии, и будь уверен, они постараются сковать её в прибрежных сражениях, не допуская вглубь своих земель. А уже потом по ней, завязнувшей и обескровленной, должны будут уда-

рять подошедшие полевые армии османов. Так вижу планы противника я, и так же предполагает и всё наше главное армейское квартирмейстерство. Что тут нам можно противопоставить туркам? Думается, правильным было бы подготовить сразу несколько сильных, но небольших по численности отрядов, состоящих из пехоты, конницы и артиллерии, для осуществления поиска в прибрежной полосе. Ударить разом по нескольким ключевым точкам обороны османов, выбить их живую силу и сровнять с землёй все их основные оборонительные сооружения. Тем самым мы лишим турок их опоры при обороне от нашей основной, переправляющейся через реку армии, снизим их боевой дух, ну и уменьшим саму численность противостоящих нам неприятельских войск. Где находятся эти прибрежные войска противника, мы знаем, и подготовку к тем поискам уже начали.

Отставив в сторону чайную чашку, барон подтянул к себе большую топографическую карту, испещрённую многочисленными пометками, и склонился над ней.

– А какая моя задача, Ваше высокоблагородие? – Алексей тоже взгляделся в изгиб русла Дуная и в начерченные на его правом берегу кружки и квадратики с надписями мелким каллиграфическим почерком. – Прикрытие стрелковым боем одного из наших поисковых отрядов?

– Хм. – Не только, поручик, не только, – хмыкнул Генрих Фридрихови Твоя рота, Егоров, тоже пойдёт с одним из таких отрядов. Генерал-майору Потёмкину Григорию Александровичу нашим командующим поручено действовать в этом обширном районе от Туртукая и до Силистрии, – и барон обвёл рукой большой участок на карте. – Сама Силистрия – мощная и хорошо укреплённая крепость с сильным многочисленным гарнизоном, а вокруг неё расположилось несколько более мелких временных укреплений с полевыми отрядами. Потёмкин сейчас формирует сразу три поисковых партии во главе с подполковником бароном Ферзенем и премьер-майорами Шипиловым и Волковым. Ваша рота, поручик, присоединяется к любому из этих подразделений, по твоему личному усмотрению, и действует так, как ты сам считаешь нужным. Об этом тебе будет выдано особое письменное предписание, чтобы ни у кого не возникло сомнений в твоей самостоятельности. И главной вашей задачей будет пленение хорошо осведомлённых об планах своего командования османских офицеров, и вообще, нужно будет собрать сведения об тех полевых корпусах турок, что стоят в глубине их земель и которые будут готовы поддержать свои прибрежные укрепления и ударят по нашим основным силам при переправе через Дунай. Это главное, а уж прикрытие своими стрелками поисковых партий считайте своей второстепенной задачей. Всё ли понятно я изложил?

– Так точно, Ваше высокоблагородие, – по-уставному ответил Егоров и, встав, одёрнул на себе мундир. – Когда прикажете выдвигаться к войскам генерал-майора Потёмкина?

Полковник немного подумал, как видно, что-то подсчитывая про себя, и наконец, тоже вставая из-за стола, ответил:

– Вы только что с последнего полевого выхода вернулись. Устали там порядком небось? Даёшь своим людям, Егоров, три дня отдыха да ещё имеешь пару дней на подготовку к выходу. Вот через пять дней, на шестой, вы и отправляйтесь к Григорию Александровичу. Вас туда доставит эскадрон от третьего донского полка, с коим, я знаю, у вас и так уже давно сложились самые тесные и добрые отношения. Об этом я нынче же самолично распоряжусь, ну и к премьер-майору Филиппову, так уж и быть, загляну с этим вот интендантским запросом, чтобы он вас лишнего не мурыжил. Ну, вроде бы пока всё. За письменным предписанием на выход прибудешь за день до выхода. Давай, пока, Алексей, иди отдыхай.

Глава 3. У Давида Соломоновича

Лёшка шагал по разливам луж большого города. В некоторых местах через особенно широкие разливы были перекинuty деревянные мостки, кое-где удавалось их по-молодецки перемахнуть, но в большинстве случаев оставалась надежда только лишь на свои крепкие кожаные сапоги. К главной базарной площади Бухареста он добрался серьёзно подмокшим и со следами брызг грязи на шинели и на штанах.

Вот и знакомое здание цирюльни, здесь в подвальчике располагалась лавка местного менялы Давида. Спустившись по узкой каменной лестнице к массивной дубовой двери, Алексей с усилием толкнул её и зашёл в уже знакомое ему затемнённое помещение. На длинном прилавке, перегораживающем коридорчик, стоял небольшой масляный светильник, слегка подсвечивающий вход. Ещё одна толстая сальная свеча освещала сгорбившегося за столом в самой глубине комнатки пожилого седобородого еврея в маленькой вязаной шапочке-кипе на макушке.

– Ой-ё-ёй, кого я вижу! – вскинул он радостно вверх руки при виде Алексея. – Это ведь тот достойный молодой русский офицер, который почти два года назад пообещал ещё раз навещать бедного старого Давида в его скромной и холодной обители! Как же быстро летит это время, вы, господин, в самом расцвете сил, а мы всё больше и больше стареем! – продолжал он причитать, семена к прилавку и откидывая его крышку. – Проходите же скорее в комнату, Алексей, по батюшке, если мне не изменяет память, Петрович? И присаживайтесь прямо вот сюда, к самой печке. Ради такого гостя я позволю её себе жарко натопить и, пожалуй, добавлю нам ещё немного света.

– Здравствуйте, Давид Соломонович! – улыбнулся Егоров, присаживаясь на предложенный ему массивный стул со спинкой. – Не прибедняйтесь, вы прекрасно выглядите и, как я вижу, всё так же бодры и полны сил!

– Что вы, что вы, господин офицер! – замахал тот рукой. – Какая там может быть бодрость, и какие могут быть силы у старого и больного еврея? Меня только и держат на этом свете хлопоты, как устроить своих близких в это непростое время, да ещё и забота о моей дорогой больной Сарочке, – и он, грустно качая головой, открыл дверку печки, засовывая в её топку несколько полешек. Затем зажёл ещё один светильник на стене и, подойдя к Алексею, учтиво поклонился. – Ещё раз, рад Вас приветствовать, Алексей Петрович, в моей скромной лавке. Вас привело ко мне какое-то дело или вы просто пришли проведать старого Давида?

Глаза менялы на его худом и смуглом лице горели живым огнём. Они очень контрастировали со всем этим унылым внешним видом и той серой обстановкой, что сейчас царила в его лавке.

– Мне, конечно же, действительно очень приятно вас видеть, Давид Соломонович, – приветливо улыбнулся старику Егоров, – но я всё же вынужден вам признаться, что меня к вам сегодня привело ещё и одно весьма деликатное и серьёзное дело, – и он сделал многозначительную паузу.

– О-о! – протянул меняла. – Тогда подождите меня одну минуточку. Не нужно, чтобы двум серьёзным и порядочным людям мешали бы при таком деликатном разговоре посторонние люди!

Он быстро засеменил к входной двери и, звякнув металлом, закрыл её сразу же на два больших, массивных заслона.

– Таки я внимательно вас слушаю, Алексей! – и он склонился перед егерем.

– Давид Соломонович, присаживайтесь, пожалуйста! – Лёшка кивнул на стоящий неподалёку табурет. – Мне, право, неловко сидеть перед вами, развалившись на этом троне у горячей печи, тогда как сам хозяин стоит рядом на ногах. Нет, нет, нет, и не спорьте, пожалуйста, –

улыбнулся он, видя, что меняла хочет ему что-то возразить. – Поверьте мне на слово, если вы будете сидеть со мной рядом, то нам с вами обоим будет гораздо удобнее вести наши дела.

– Ну что же, желание гостя, а уж тем более делового партнёра, для меня закон, – кивнул, соглашаясь, хозяин лавки и присел на указанный Алексеем стул. – Я весь во внимании!

– Давид Соломонович, прошу вас меня выслушать и не торопиться со своим ответом. Дело, которое меня к вам сюда привело, действительно, скажем так, весьма деликатное. И мне бы очень не хотелось, чтобы наш разговор стал достоянием чьих-то ушей за пределами этой комнаты. – Лёшка сделал многозначительную паузу и посмотрел пристально в глаза менялы.

– Эхе-хе-е! – протянул укоризненно старик, качая седой головой. – Молодой человек, вы уж простите меня за эти мои слова, но я ведь уже тридцать лет веду самостоятельно всё это семейное дело, после того как преставился мой многоуважаемый отец. А старый мудрый Соломон, когда он лежал на своём смертном одре, дал мне один хороший и добрый совет – это быть всегда честным с людьми и держать свой язык за зубами. Чему я всю жизнь и следую и чему учу своих сыновей и внуков. Вы можете быть совершенно спокойны, Алексей, как знать, может быть, ещё и не раз, и даже не два со мной или уже с моими сыновьями вам ещё предстоит вести общее взаимовыгодное дело!

– Хорошо, – кивнул Лёшка, – тогда я совершенно спокоен. Дело в том, что мне от вас нужно то, чего я никак не могу найти, пожалуй, что во всей Валахии и даже в окружающих её землях. Ваш же опыт, умение вести дела и самое главное – это ваши обширные связи – внушают мне определённую долю оптимизма. И я даже уверен в том, что именно вы-то мне и сможете помочь. Ну а я готов вам за это хорошо заплатить, – и Егоров продемонстрировал увесистый кожаный кошель.

– Чего же такого нужно уважаемому мной господину офицеру, что он даже за хорошие деньги не может найти в таком большом городе, как Бухарест, и даже во всей нашей обширной Валахии? – поднял в удивлении брови меняла.

– Мне нужно винтовальное нарезное оружие, Давид Соломонович. Да-да, не удивляйтесь, пожалуйста, именно за этим я сюда к вам сейчас и пришёл. Поверьте мне, что это такой же товар, как и все прочие, и он тоже стоит своих денег, а значит, вы или же ваши соотечественники, славящиеся особой предприимчивостью и умением налаживать нужные связи, вполне даже смогут его найти, ну и доставить сюда, к вам. Я же готов платить за нарезное оружие золотом, посмотрите, пожалуйста, – и Егоров подал старому еврею одну из тех тяжёлых золотых монет номиналом в 500 пиастров, которые подобрали ещё год назад егеря его заслона в дальнем Забалканском выходе.

Давид Соломонович осторожно, обеими руками принял драгоценность и учтиво поклонился Егорову.

– Мне нужно немного времени, чтобы проверить эту монету, надеюсь, вы ведь не будете против, Алексей Петрович? Сами понимаете, в такое непростое время нужно быть везде и во всём внимательным, и определённая осторожность никогда здесь не будет лишней!

– Да, разумеется, – кивнул офицер. – Делайте все, что положено в таких случаях, Давид Соломонович! – И меняла, вежливо поклонившись, засеменил к своему столу.

Также как и два года назад, он зажёл у себя пару свечей, достал аптекарские весы, лупу, какие-то пузырьки с жидкостями и инструменты. Проверив всё самым тщательным образом, он наконец выдал свой вердикт:

– Монета подлинная, с положенным ей весом и находится в прекрасном состоянии.

– Ещё бы, – усмехнулся про себя Егоров. – Как-никак с султанского казначейства для подкупа австрийских и прусских вельмож её везли, а тут на тебе, русские егеря как-то вдруг совсем некстати подвернулись. Ну, вот и пусть теперь супротив своих хозяев послужат! – Сам же он взял протянутую ему обратно монету и на глазах у менялы уронил её обратно в свой объёмистый кожаный кошель.

Давид Соломонович внимательно наблюдал за всеми этими манипуляциями хозяина золота, и когда этот аппетитный, завязанный шнуром мешочек скрылся в кармане камзола, всё-таки не удержался и тихонько вздохнул.

«Ага, а глазки-то горят, – подумал с иронией Лёшка. – Ну что, наживку мы заглотили, а теперь будем договариваться?» И он, как только мог более равнодушно, взглянул на менялу.

– Нет, Давид Соломонович, ну, конечно, если для вас это дело представляется слишком уж сложным, а все предстоящие хлопоты со столь специфичным товаром не несут вам хорошего барыша, то мы легко можем сменить тему нашей беседы и поговорить за что-нибудь другое.

– Ну куда вы, молодой человек, спешите?! Так ведь, в спешке, серьёзные дела не делаются! – пробурчал старый еврей и почесал кончик своего длинного горбатого носа. – Работа эта действительно непростая, я ведь с оружием и вовсе никаких дел до этого не имел, но признаюсь, что она меня заинтересовала, и я все-таки попробую вам помочь. Но для начала вы должны мне пояснить, что это за особое такое винтовальное нарезное оружие и где его вообще производят. После того вы назначите свою цену за товар и дадите мне задаток в треть от общей цены всей сделки. Ну и мои услуги, они, конечно же, тоже будут стоить определённых денег. Для вас это будет, м-м-м, – меняла задумался и наконец выдал своё решение: – Для вас, как для моего уважаемого и, я, право, пожалуй, не ошибусь этому слову – уже постоянного клиента, это будет стоить десять процентов от общей суммы всей сделки, да, и треть из причитающегося я бы тоже хотел получить сразу.

– Хорошо, – согласился Егоров. – Меня условия такой сделки вполне устраивают. По самому оружию: вам достаточно знать даже его название – это штуцер. То есть винтовальное нарезное ружьё с сокращённой длиной ствола. Производят его у нас в России на Тульском казённом заводе и ещё в нескольких небольших частных мастерских, но в очень и очень малых количествах. В центральной Германии их производят в Тюрингии, в городе Зуле, а на самом юге германских земель в Баварии есть выпускающие эти штуцера мастерские в самом городе Мюнхене. В Пруссии делают тоже прекрасные штуцера в столице прусских оружейников, в городе Золингене. А в Австрийской империи, как я знаю, есть один казённый и ещё один частный заводы прямо в самой столице, в Вене. Хорошие и очень качественные штуцера производят валлонские оружейники города Льежа. Ну и ещё есть итальянские оружейники в районе Альп, в землях Ломбардии. И город, где они производят эти штуцера и всё прочее оружие, называется то ли Сареццо, то ли Сарецция, что-то такое близкое по произношению.

– Тише, тише, господин Алексей! – притормозил его Давид Соломонович. – Моя рука просто не успевает за полётом ваших мыслей. Давайте, повторите всё это ещё раз и пожалуйста, медленнее, мне нужно всё в точности и как можно подробнее изложить на бумаге. От этого будет зависеть, как долго станут продолжаться поиски этих самых ваших, как их там? Вот-вот, штуцеров. – И деловые партнёры без спешки записали всю требуемую информацию на бумаге.

– Так, по поводу цены за ружьё, – продолжил излагать Алексей. – Помня вашу разменную пропорцию золота к серебру один к пятнадцати и уже имея свой личный опыт в приобретении нескольких русских тульских штуцеров, я определяю цену одного нового нарезного ружья в сборе, со всеми его приспособами и с принадлежностями, в две золотых монеты номиналом в пятьсот пиастров каждая. Это очень хорошая цена, уверяю вас, и я тут, конечно же, весьма и весьма переплачиваю, но в то же время прекрасно понимаю, какая трудная задача стоит перед нашими партнёрами в их поиске, приобретении и в доставке. Вот, собственно, именно поэтому я и иду на такую дорогую и довольно обременительную для себя сделку. У меня здесь, – и Егоров звякнул кошелём с деньгами, – тридцать три монеты, а значит, я жду за них пятнадцать новых штуцеров, и три золотых пойдут вам в качестве оплаты за все ваши труды и риски. Что вы теперь на всё это скажете, уважаемый Давид Соломонович?

Меняла что-то написал на листочке, затем сходил за счётами, долго сидел, двигал костяшки и шевелил губами. Наконец он поднял глаза на Лёшку.

– Думаю, мы сможем поработать, ваши условия мне кажутся вполне приемлемыми. Можно было бы, конечно, и добавить в цену за закупку оружия, – и увидев, как возмущённо поднял брови Егоров, улыбнулся. – Не извольте беспокоиться, Алексей Петрович, обговоренные условия сделки мы уже не меняем. Меня в ней всё устраивает, давайте я напишу расписку о приёме от вас денег, и мы потом сможем поговорить за что-нибудь другое.

Алексей выдал десять золотых монет задатка и ещё одну авансом за труды. Меняла их все тщательно проверил, и они составили с ним необходимый документ. Можно было всё делать и без бумажной волокиты, но предлагать это старому еврею Егоров как-то не решился. Зачем было терять уважение в глазах такого опытного «коммерсанта»?

– Думаю, ближе к осени я смогу перед вами отчитаться, Алексей. Вам не нужно ни о чём переживать, – успокоил офицера Давид Соломонович. – Когда всё будет готово, вас сразу же найдут и пригласят ко мне.

– Да кто же не знает, где проживают в Бухаресте зелёные русские стрелки? – удивился он вопросу Егорова. – Не волнуйтесь, как только у меня будут хорошие вести по нашему делу, вас обязательно найдут. А теперь давайте просто побеседуем за жизнь? Что вы скажете обо всей этой войне? Ждать ли нам прихода сюда турок?

И ещё около часа провёл Егоров в лавке у бухарестского менялы.

Глава 4. Перед выходом

Три дня отдыха пролетели очень быстро, и началась ускоренная подготовка к боевому выходу. Подступало то время, которое должно было показать, насколько каждый из егерей роты и все вместе они окажутся готовы к большой войне. Всё полученное в главном интендантстве холодное оружие и пистолеты были розданы солдатам, и теперь перед Егоровым на большой ротной поверке стоял хорошо вооружённый и экипированный отряд.

Каждый из «старичков» и командиров имел при себе по два пистоля в удобных закрытых кобурах. Новичкам, которых в строю было подавляющее большинство, досталось пока только по одному. Что здесь радовало, так это то, что все пистолы, кроме нескольких специально доработанных и улучшенных Куртом, были единой системы: русские, драгунские, производства Тульского казённого завода, с их надёжным ударно-кремневым замком. Из холодного оружия всё было уже не так радужно. Хорошими облегчёнными саблями была вооружена лишь половина всего личного состава, остальные егеря довольствовались тесаками, полусаблями, тяжёлыми и неудобными палашами, а также старинными, ещё петровскими, солдатскими шпагами. Были у рядовых на вооружении даже несколько трофейных янычарских ятаганов. Тромбонами благодаря протекции барона запаслись полностью, каждая пионерская пара в четырёх плутонгах имела по одной тяжёлой штатной картечнице. Это помимо ещё тех фугасных зарядов, переносимых в специально пошитых Василием Афанасьевым ранцах. Штуцеров было общим числом восемнадцать, и распределялись они по подразделениям очень неравномерно, будучи оружием самых умелых и опытных стрелков. Во второй полуроте, которой временно командовал Осокин Тимофей, их было, помимо Тимохиного, только лишь два, да и то находились они у командиров плутонгов, прибывших по приглашению Егорова из других егерских частей.

Особо выделялась пара снайперов-оружейников во главе с возведённым в фурыерский чин Куртом Шмидтом и стоящим за ним с огромным винтовальным ружьём рыжим Василием. Лучшие в команде стрелки были, кроме него, вооружены ещё и своими штуцерами.

Алексей сам лично проверил всё вооружение, амуницию, одежду и все многочисленные приспособы у каждого унтера и рядового роты. Скидки от него не было даже господам обер-офицерам. У большей части людей нашлись мелкие недоделки и замечания, которые им теперь предстояло устранить до сигнала «вечерняя заря». На завтра был объявлен боевой выход, и командир хотел быть уверен, что никто и ничто не подведёт его роту в бою.

– Леонид, пробей сигнал «к столу», егеря убывают на обед, а потом все устраняют полученные замечания! – отдал он команду ротному барабанщику. – После ужина и сигнала к отбою все лежат на своих местах и уже видят свой первый сон. Чтобы никто не бродил по улице, лично за этим прослежу! С зарёй все как огурчики, пристраивают поклажу, рассаживаются на казачьих лошадей – и в добрый путь! Всё, Живан, разводи роту по местам квартирования, а я в штаб за последними указаниями! – отдал он распоряжение своему заместителю.

В главном квартирмейстерстве армии царила рабочая суета. Помимо корпуса генерал-майора Потёмкина, поисковые партии организовывали ещё несколько военачальников, и со всеми ними главный штаб пытался наладить взаимодействие в это непростое время весенней распутицы.

– Вот тебе письменное предписание на проведение своего поиска после переправы через Дунай! – Фон Оффенберг протянул запечатанный конверт Егорову. – Передашь его лично в руки его превосходительству, Григорию Александровичу, там в нём всё, что нужно, про вас уже написано. Думаю, что он, кому будет необходимо, и сам распорядится, чтобы старшие от поисковых партий в твои дела на правом берегу не лезли. Да и тебя, Алексей, он помнит и весьма к тебе благоволит. Так что никаких помех у тебя быть там не должно. Ты, главное, сам о

своём деле не забывай и не увлекайся там просто полевыми пострелушками. Помни, поручик, нам нужны твёрдые и надёжные сведения об тех полевых армиях и о корпусах османов, что стоят в глубине их территорий за Силистрией и Шумлой. И лучше всего, чтобы они были от достоверных и хорошо всё знающих источников. Опыт у вас в этом богатый, так что и здесь вы постарайтесь и нас не подведите!

– Есть, Ваше высокоблагородие, – вздохнул с грустинкой Алексей. Аппетит у высокого начальства, также как и у любого организма, похоже, приходит во время еды, ну или войны, да ещё после допроса представленных ему с передовой пленных и добытых сведений. «Разбало-вались, блин, их высокоблагородия и всякие сиятельства на нашу голову, – думал он. – Попробуй им теперь какого-нибудь зачуханного армейского сотника из береговых турецких укреплений притащить! Ведь они тогда громко кричать и сильно ножками топтать станут! Дескать, не оправдали наших надежд егеря, разленились они на долгом постое, а воевать так и вовсе разучились!

– Есть, Ваше высокоблагородие, найти хорошего языка, – опять козырнул полковнику Егоров. – Будем стараться, господин полковник! Разрешите идти к своей роте?

– Давай, Алексей, – кивнул барон. – И ты это, береги там себя. Сломая голову под пули не лезь! – Генрих Фридрихович как-то виновато вздохнул. Опять он посылал туда, где свистят пули и где сверкают сабли турецкой конницы, этого ставшего ему дорогим мальчишку. А сам он вновь оставался здесь, при штабе, а парня подвергал всё большему риску.

* * *

Егоров, миновав площадь, проходил мимо пустыря с подгоревшим полуразвалившимся домом. Из-за него раздавались крики и глухие удары.

«Интересная у кого-то жизнь! – подумал Лёшка. – Тут, блин, совсем рядышком целая сотня с лишним мужиков только и мечтает, как бы им до своей постели к ночи добраться, а у кого-то есть и силы, и время, чтобы всласть подраться да побезобразничать!» – и он, перепрыгнув через завалившийся плетень, заскочил на пустырь.

Открывшаяся ему картина впечатляла. За развалинами дома в грязи каталось трое солдат, ещё двое отползали в сторону от места схватки, а здоровенный пехотинец с капральскими галунами на мундире орал, подбадривая борцов, и потирал пятернёй своё распухшее малиновое ухо.

– Какой у нас расклад, капрал?! А чего вы тут не целым plutонгом метелитесь?! – чуть повысил голос Егоров, оглядывая всю картину баталии в целом.

Только сейчас заметив офицера, здоровяк вытянулся и захлопал глазами.

– Дэк это, вашбродь, да он сам ведь виноват, а Митроха-то не хотел евойное брать, а он-то вдруг в драку сразу полез!

Сопенье и возня троицы прекратились, и на пустыре повисла напряжённая тишина.

– Смирно! – рявкнул Егоров и положил руку на эфес своей сабли.

Строчные команды исполнять в русской императорской армии нижние чины научились превосходно! И уже через несколько секунд все шестеро стояли, вытянувшись в струнку. У четверых чумазных рядовых и у капрала погон на левом плече был красного, а у невысокого белобрысого молоденького солдатики в разорванном мундире был он синего цвета. Самыми грязными из всего строя были те трое, что до команды офицера катались по земле. Лёшка прошёл вдоль небольшого строя и остановился напротив отличавшегося от всех остальных своим полковым знаком различия солдатики.

– Кто таков, откуда, и что у вас здесь случилось, рядовой?! – Он внимательно вглядывался в лицо парня.

Тот ещё сильнее вытянул шею и громко прокричал ответ:

– Мушкетёр третий роты Орловского пехотного полка Воробьёв Андрей, Ваше благородие. Следую из гарнизонного госпиталя после ранения к месту расположения своего полка!

– Угу, – кивнул Егоров, – следуете, значит, рядовой? Вот тут, на вот этом самом пустыре вы туда и следуете, да?

– Так точно, вашблагородий! – так же громко прокричал солдатик. – Виноват, задержался, готов и дальше следовать!

– А почему грязный такой, мундир рваный, под глазом синяк, с Выборгскими что-то здесь не поделил? – и он кивнул в сторону застывших по стойке смирно солдат с красным погоном.

– Никак нет, Ваше благородие, – нахмурился Воробьёв. – То мы так, то мы шутейно. Виноват, мундир исправлю и всё застираю. Через час он как новенький на мне будет!

Солдатик явно нравился Егорову, не сдал своих обидчиков, перед офицером не оробел, отвечал быстро и чётко. Да и вон, похоже, что всей пятёрке из чужого полка не уступил, бит был, конечно, но держался в бою до последнего. «Есть дух у Воробья», – как уже успел его окрестить поручик, и подошёл к капралу.

– Капрал второй роты Выборгского пехотного полка Рябцов Никита, Ваше благородие, – представился тот, буквально поедая глазами офицера.

– Знаешь, наверное, меня, капрал? – сощурил глаза, вглядываясь в лицо здоровяка, Лёшка. – С моими егерями с год назад уже небось познакомился, а потом, чать, тоже «беседовал» на каком-нибудь пустыре, а, Никита?!

Похоже, вопрос поручика попал, что называется, не в бровь, а в глаз, и Рябцов, несколько раз моргнув, заметно побледнел.

– Так точно, знаю вас, господин поручик, ваших егерей и самих вас тут все у нас знают, – просипел он сдавленным голосом.

– Ну, вот и хорошо, – мягко улыбнулся ему Лёшка. – Ты, голубчик, проследи-ка самолично, чтобы этого солдатика больше никто тут не обидел, хорошо? Пусть себе спокойно в свой полк далее следует, ему ведь совсем скоро турке кишки на штык наматывать, а он тут с вами в Бухаресте по пустырям воюет.

– Так мы ведь всегда, вашблагородие! Мы же не хотели вот так-то, а он вона как, прямо сам ведь на дыбки-то встал! – зачастил было капрал, оправдываясь.

– Тихо, тихо, Рябов. Меня не интересует, что у вас там случилось и кто во всём этом виноват, – прервал Выборгского капрала Егоров. – Я ведь не полицмейстер или не уездный судья, чтобы тут разбирать всю вашу свару! Или же ты хочешь, чтобы я, как и положено, вас сейчас под арест взял да самое строгое дознание по поводу драки между нижними чинами в военное время провёл? Отвечай!

– Никак нет, господин поручик! – затряс головой капрал. – Смилуйтесь, Ваше благородие! Не надо бы ареста и дознания! Мы, ей-богу, прямо сейчас же помиримся, а потом и поможем орловцу.

– Ну-ну, – кивнул, соглашаясь, Егоров. – Имей в виду, Рябов, что его полк рядом с моей ротой будет вскоре располагаться. И я обязательно прослежу, чтобы он в него прибыл к себе в полном здравии, – и, развернувшись, Лёшка шагнул через лужу, обходя развалины.

– Уф, вот ведь свезло! – донеслось до него. – Это ведь сам Егоров, старший от «волков-давов», был. Ну, давай, что ли, знакомиться по-человечьи, меня вот Никитой зовут!

* * *

– Попрыгали все! Ещё, ещё! – потребовал поручик. – Зотов, Иван, в твоём плутонге как у корабейника на тракте гремит! Укладывайтесь по новой, чтобы вас даже не слышно вблизи было. Егеря как коты на мягких лапах должны всё время ходить! С первого по третий плутонг, вы бегом к станичникам, принимайте у них лошадей под сёдлами. Тыловая группа,

Потап Савельич, сначала размещайте на выючных всё ротное имущество, потом уже будете седлать и своих личных. Всё, давайте, пошли, пошли, братцы, время идёт! Четвёртый плутонг, вам ещё две минуты на перекладку! Быстрее, быстрее, всю нашу роту вы сейчас держите! – командовал на ближайшей к месту квартирования площади Егоров.

Через четверть часа все егеря разместились в своих сёдлах, а ротное имущество было надёжно приторочено на выючную упряжь у заводных.

– Готовы, поручик? – Привстав на стременах, есаул Писаренко оглядел выстроенную головой на юг длинную походную колонну.

– Да, Фёдор Евграфович, готовы, – кивнул Лешка, пристраиваясь рядом. – Можем выдвигаться. Только вы уж шибко не скачите, мои егеря, в отличие от ваших казаков, не больно-то к дальним конным переходам привычны. Мы же всё больше на своих двоих, да по полям и по лесу.

– Ну, так и двигали бы пёхом, коли вам так привычнее, – усмехнулся есаул, подкручивая ус. – Чего вот коней теперь мучить?

– Да времени в обрез, – развёл руками Алексей. – Начальству ведь всё побыстрее, как всегда, нужно! Вокруг распутица, а путь-то нам неблизкий!

Для этого времени года действительно дорога была непростая, приходилось преодолевать более ста семидесяти вёрст по мартовской грязи и по бездорожью. После двух ночёвок отряд наконец-то приблизился к озеру Езерул. Тут на южном его берегу расположился во временном лагере корпус генерал-майора Потёмкина, задачей которого было «приглядывать» за двумя переправами через Дунай, в районе Туртукая и Силистрии. Сама же река от места лагеря была верстах в пятнадцати, и каждая из этих переправ была в двухдневном пешем переходе от русского лагеря.

Глава 5. Поиск под Гуробалами

– Здравия желаю, Ваше превосходительство! Вам пакет из главного квартирмейстерства армии! – «Вытянувшись по швам», Егоров протянул запечатанную бумагу командующему корпусом. Тридцатитрёхлетний, пышущий здоровьем и энергией генерал, с улыбкой оглядел егерского офицера.

– Вот и довелось нам снова увидаться, Алексей! Гляди-ка, уже поручик, и целый командир роты? Молоде-ец, голубчик, растешь! Что? Будем вместе теперь османа бить?

– Так точно, Ваше превосходительство, вместе! – подтвердил с готовностью Лёшка. – Спасибо вам, Григорий Александрович, и за себя, и за егерей, а особенно за семью Гусевых, – и Лёшка сделал лёгкий поклон.

– Хм, – Полноте, поручик, – хмыкнул генерал и покосился на стоявших чуть в стороне штабных офицеров. – Это вы нашу матушку всемилостивейшую императрицу Екатерину Алексеевну благодарите. Что вы мне-то свою благодарность тут выражаете? Все блага и милости – от самодержицы всероссийской, а мы только лишь верные слуги воли её!

Но глаза-то у Потёмкина при всём этом глядели на Лёшку как-то так хитро и весело.

Разорвав пакет, генерал углубился в чтение написанного.

– Хм, эвон тут что! Непростой, я гляжу, у вас поиск вырисовывается, поручик. Ясно мне всё про вас. Значит, у вас на том берегу особое задание будет? Обременять и сковывать твою роту старшие моих партий не будут, на то я им самолично соответствующие указания отдам, но и вы уж будьте добры поддержите их там своим огоньком. Твои-то егеря в таких выходах весьма уже многоопытны. До самой Сербии и обратно не так давно с боями прошли!

– Так точно, Ваше превосходительство, обязательно поддержим огонь, – согласился с генералом Алексей. – Вот только солдат в роте неопытных много, для неё это ведь самый первый боевой выход в таком составе. Но мы будем стараться, чтобы вас не подвести.

– Ну, ну, постарайтесь, голубчик, – улыбнулся Потёмкин. – Здесь, возле Силистрии, это первое наше большое дело против османов после такого долгого перемирия. Если мы тут вот себя хорошо покажем, с нас во всей нашей армии станут пример брать, как два года назад с Вейсмана, а враг наперёд будет русского солдата бояться! Так что добрый почин нам здесь нужен. Ну а пока располагайтесь вы лагерем подле Орловского пехотного полка, вас туда мой Сашка проводит, – и он, обернувшись, крикнул адъютанта.

Подготовка к выходу в поиск длилась четыре дня. К этому времени со стороны Браилова и Измаила прибыли по реке два десятка больших гребных лодок запорожских казаков. В лагере были сформированы три поисковых партии под командой подполковника, барона Ферзена, а также премьер-майоров Шипилова и Волкова. Первой в поиске планировалась ночная высадка на противоположный берег партии солдат и офицеров Орловского пехотного полка во главе с Шипиловым. В их задачу входило взятие береговых земляных фортификационных укреплений-шанцев и прикрытие двух остальных партий, которые должны были после переправы уходить в разные стороны. Задача этих партий состояла в том, чтобы выявить силы турок и по возможности истребить их или же нанести им как можно больший урон.

Наконец поступила команда выдвигаться, и пять сотен солдат и офицеров, собранных с нескольких полков и от отдельных батальонов, поспешила к ближайшей переправе у Гуробал.

– Ваше высокоблагородие, разрешите, и мои егеря в первой волне переправляющихся пойдут? – попросился на привале у старшего всего поиска барона Ферзена Егоров.

– У вас же там своё дело, поручик? Генерал-майор потребовал вас не трогать и вами в поиске не командовать. Вы же особая косточка, как-никак главному штабу армии принадлежите, не то что вот мы – служивая пехотная кость, – поморщился подполковник.

– Да мы как бы от всей нашей армии не отделяемся, Ваше высокоблагородие! – улыбнулся примирительно Лёшка. – Нам такое дело привычно. Мы не раз уже по османскому берегу гуляли и знаем, как у них там караульная служба поставлена. Вот выбьем турок с их береговых укреплений, а там уж и своим делом опосля займёмся.

– Привычное такое, говоришь? – задумался барон. – Ну, хорошо, поручик, у меня тут наготове двадцать больших лодок запорожцев, в каждую из них вмещается, помимо самой команды, ещё два десятка пехотинцев со всем своим вооружением. Сажайте в них, Егоров, всю свою роту, а в оставшиеся досадит своих орловцев майор Шипилов. Постарайтесь выбить без шума караулы турок. Будете с пехотой брать эти шанцы – попытайтесь из них никого не выпустить. Глядишь, и не успеют османы предупредить другие свои гарнизоны в ближайших селениях. Вот тогда и у остальных наших поисковых отрядов будет шанс нагрянуть к ним «в гости» неожиданно.

* * *

21 марта, ночью, первая партия начала погрузку в казачьи лодки. Пехота залезала в них с ворчанием, с шумом, со стуком и с лязгом оружия. Как ни старались унтеры и господа офицеры пехотинцев, но тихой погрузка не получалась.

– Ваше высокоблагородие, разрешите мы уже на тот берег пойдём, не дожидаясь орловцев, – обратился к подполковнику Егоров. – Боюсь, что слышат турки этот шум, тревогу на берегу поднимут, а так мы бы, пока остальные подойдут, глядишь, там и огляделись? Нам половины часа вполне для того хватит!

– Давайте, поручик, выдвигайтесь, дадим вам время, – кивнул, соглашаясь, Ферзен, и Лёшка обернулся к своей выстроенной в четыре шеренги роте: – Внимание, егеря! Шесть лодок, что стоят справа, наши, командирам плутонгов приступить к погрузке своего личного состава. Первый плутонг, вы с дозорным звеном остальных не ждёте, высаживаетесь на берег и вырезаете втихую караулы. Всё, братцы, вперёд!

Словно волки в ночи, бесшумно бежали цепочки егерей к своим судам. Лишь изредка слышались негромкие, глухие удары подошв их сапог о деревянные борта лодок да доносились команды унтеров: «Давай, давай, давай!»

– Живан, я пойду с первым плутонгом, проследи здесь за погрузкой и выдвигайся на тот берег с самой последней посудинкой, – распорядился Егоров. – Ну, всё, с Богом! – и он запрыгнул за борт первой лодки. – Выгребайте! – кивнул он пожилому чубатому казачьему старшине, и первая лодка медленно отчалила от русского берега. Восемь вёсел с каждого борта с тихим плеском опустились в воду, и она бесшумно скользнула на основное русло. Безлунная ночь способствовала переправе. До середины Дуная добрались быстро.

– Пан охфицер, на берегу вогни горять! Татары костры, схоже, жгут? – Командующий казаками сотник протянул вперёд руку, указывая на выплывающий из сплошной темноты высокий берег.

– Да, похоже, что так, – прошептал Лёшка, вглядываясь в отблески пламени нескольких костров. – Платон, подсажи своим, пусть они чуть выше этого места возьмут, там берег повыше, и мы в его тени совсем незаметными будем.

– Добре, зараз зробимо! – кивнул сотник и протиснулся к кормовому веслу.

Через несколько минут лодка была уже под береговым обрывом и мягко ткнулась в отмель.

– Дозор пошёл! – тихо скомандовал Егоров.

Шестеро разведчиков во главе с Цыганом выпрыгнули из судна и, хватаясь за кусты, начали карабкаться на обрыв. Вся остальная команда егерей спряталась за высоким бортом, виднелись лишь выставленные стволы ружей да егерские картузы. Это ожидание было самым

тревожным. Как знать, может быть, их давно уже заметил с высокого берега турецкий дозор и вот-вот раздастся ружейный залп? Но всё вокруг было тихо.

Вдруг с самого верха обрыва посыпались камешки, и к лодке, запыленно дыша, подскокил Бориска.

– Всё спокойно вокруг, вашбродь! Фёдор Евграфыч приказал вам передать, что здесь, наверху, турки нет. Там, чуть ниже по течению, мы три костра отсюда разглядели. А подыматься на эту кручу лучше будет маненько правее. Там ручеёк сбегает, и возле него склон к реке более пологий.

– Трифон, всё слышал? – Егоров посмотрел на командира первого plutонга.

– Так точно, Ваше благородие, – отозвался унтер, перехватывая поудобнее штуцер.

– Тогда выгружай plutонг и бегом наверх. Борис, ты ведёшь егерей к кострам, там окружаете их и по команде бьёте турок штыками, – отдавал указания ротный. – Огонь не открывать ни в коем случае, гранаты не бросать, всё делать тихо! Мы с дозорными и с оружейниками снимаем караулы. Карпыч, как все выгрузятся, отпускай казаков на наш берег. Курт, Афанасьев, вы за мной, – и троица, взяв чуть правее места высадки, начала карабкаться на береговой обрыв. А позади уже слышалось – «бум, бум, бум», то били глухо о борт лодок подошвы солдатских сапог. Первый plutонг начал высадку.

– Три костра, Ляксей Петрович, два караульных при них, – докладывал Лёшке командир дозорного звена. – И внизу, там, где стреноженные кони пасутся, ещё один басурманин под деревом сидит. Только что-то недавно там подвывал, протяжно эдак. Небось, песню свою лошадям пел. Затих вот только перед вами, можа, уснул? – и Федька пожал плечами.

Место, выбранное турками под ночлег, было удобное. На берегу располагалась округлая низина, впадина, где горели три костра, а около них на разостланных пополах лежала пара десятков человек. Костры горели жарко, постреливая в небо искрами и отбрасывая в него всполохи пламени. Если бы не это, то разглядеть их с реки было бы весьма затруднительно.

Так, вот один караульный, тот, что сидел в самой низинке возле костра, встал и подошёл к большой куче валежника. Набрав большую охапку дров, он пошёл обратно к кострам. А вот и силуэт второго. Этот сидит на самом гребне берегового обрыва и кутается в полы широкого кафтана. Похоже, что у него задача – смотреть за рекой. Ну что же, всё правильно, место удобное, и обзор с него на реку должен быть отменным, да и второго караульного он тоже прекрасно со своего места видит.

– Хорошо, что они высадку выше этого места сделали, однозначно бы засёк этот караульный нас на подходе!

Сбоку раздалось шуршание, и под тот куст, под которым Алексей сидел с Цыганом, опустились Трифон с Бориской.

– Вашбродь, первый plutонг роты весь здесь, сейчас сюды и замыкающая тройка с Карпычем подойдёт, – доложил унтер. – Какие будут ещё ваши указания?

– Всё те же, – ответил поручик. – План мы пока не меняем. Ты, Трифон, расставляй свой plutонг широким кольцом. Как только увидишь, что мы «сняли» обоих караульных, подашь сигнал для своих егерей, и вы тут же берёте в штыки всех тех, кто расположился у костров в низине. Коли сумеете, так одного, а лучше бы, конечно, двух турок живыми возьмите, попробуем потом их «по горячему» допросить.

– Понял, вашбродь, – кивнул Андреянов. – Разрешите расставлять людей?

– Давай, Трифон, только по-тихому всё делайте, караульных нам не спугните! – ответил ему ротный и повернулся к Бориске. – Борис, бери братьев сербов из своего звена, и двигайте к лошадям, срежьте там того певуна под деревом, про которого ты давеча рассказывал. Помни: лошадь – животное чуткое, порою похлеще сторожевой собаки будет, но тебя-то они любят, это я знаю. Чай, уж не спугнёшь там никого, справишься?

– Так точно, Ваше благородие, всё как надо сделаем, – улыбнулся своей щербатой улыбкой разведчик и отполз от куста в темень.

– Ну что, Федя, а нам с тобой, как обычно, самое сложное досталось – это по-тихому караульных снять. – Лёшка отстегнул саблю и прислонил её вместе со штуцером к кусту. Сюда же приставил и оба наплечных подсумка. Всё, теперь ему уже ничего не мешало. В каждой руке у него было по небольшому швырковому ножу, на крайний случай ещё есть пара пистолей, ну и гольбейн.

– Фёдор, твой верхний, бери с собой Афанасьева, как только его там срежете, рукой мне махни, я буду вас ждать. Опося твоего сигнала того, что сидит у костров, сам уже стану брать.

– Хорошо, Ляксей Петрович, – блестя глазами, ответил Цыган и так же, как только что и его командир, приставил к кусту свой штуцер с саблей. – Ну, всё, Васятка, поползли!

Лёшка с Куртом обогнули куст и, опустившись на землю, заскользили к низинке. Земля была влажной и чуть приминалась под локтями и коленями.

– А теперь крадёмся змейкой, – и пара скользнула в низинку уже по-пластунски.

Листвы на кустах ещё не было, и приходилось плотней прижиматься к земле. Благо что от караульных их сейчас укрывала большая куча валежника. «Вот от неё-то и нужно будет метать ножи», – подумал Алексей, чуть приподнявшись. Силуэт верхнего караульного чётко виднелся на гребне обрыва, подсвечиваемый всполохами от костров. Вот он как-то странно дёрнулся и пропал из поля зрения, словно бы наклоняясь к земле. Прошло секунд пять, и он опять появился на своём прежнем месте. Лёшка протёр глаза, вроде всё то же, такой же малахай на голове, так же сидит, сгорбившись и подобрав под себя ноги. Вдруг «караульный» поднял руку и взмахнул ею в воздухе несколько раз.

«Всё, Фёдор с Василием сработали нормально, – понял Лёшка. – А вот теперь и наша очередь с Куртом!»

Алексей, оглянув кучу валежника, уже было хотел взять левее и затем вылезти на открытое место, как вдруг его резко дёрнули сзади за ногу. Он приник к земле и, обернувшись, посмотрел на напарника.

– Прижмись, сюда караульный идёт, – прошептал Курт. Действительно, сопя и вздыхая, к куче с дровами приближался «их», второй, часовой.

«Нужно резать сейчас, – решил Егоров, приподнимаясь с земли. – Потом, когда он будет с дровами на плече или с охапкой их в руках, мы тут такой тарарам устроим! Да и времени тянуть с нападением нет, вот-вот уже сюда остальные лодки подойдут!»

Всё получилось очень быстро, турок вышел за пределы освещения от ближайшего костра, и его глаза даже не смогли различить в размытом тёмном силуэте у кучи валежника человека. Хэть! Хэть! Лёшка резко выдохнул, посылая оба швырковых ножа в цель. Турок словно бы споткнулся и мешком бесшумно рухнул на землю.

Вокруг всё было тихо. Ночной лагерь продолжал спокойно спать. Не отходя от кучи валежника, Егоров приподнялся и несколько раз махнул рукой. Ну а вот теперь дело уже за плутоном! Недалеко, откуда-то из-за ближних кустов, раздалось уханье совы, и к Егорову подполз барабанщик Лёнька с вестовым.

– Ваше, господин поручик, – и он протянул командиру его штуцер с саблей и подсумками. – А Афонька вон Куртово оружие притащил. У Трифона всё готово, вот-вот они уже начнут.

Наверное, колоть и резать людей во сне или же спросонья было делом неблагородным, в «просвещённый» двадцать первый век на старшего лейтенанта Егорова, возможно, и нашлись бы те, кто его за это бы осудил. Правда, были бы они точно не из среды тех, кто привык рисковать своей жизнью и кто терял уже на войне друзей. В век поручика русской императорской армии Егорова из темноты вдруг выскочило кольцо егерей с ружьями наперевес, и с горящими на острие штыков отблесками пламени солдаты ринулись к кострам.

– А-а-а! – раздался истошный визг и рёв, там слышались глухие удары, хруст и крики боли. Не прошло и минуты, а над лагерем уже нависла тишина.

– Всё, вашбродь, покончили с туркой, – доложился Трифон, вытирая каким-то лоскутом кровь со своего штыка-кортика. – Двоих там живыми взяли, всё как вы и приказывали. Правда, ребята их сгоряча тоже маненько там помяли. Но петь они теперяча как птички будут. Испуганные потому как очень!

– Как же не испугаться, когда посередь ночи вот такая орава со штыками накинута, – проворчал Карпыч. – Всё, Андреянов, пленные они теперяча, не можно их смерти али мучительству предавать, а то безоружных мять они больно горазды! Понравилось!

– Да нет, дядь Вань, я ведь караул к ним приставил, чтобы без глупостей. Это ж в самую первую минуту новенькие, када были в азарте, разошлись, – оправдывался Трифон. – Не успели они пока к крови да к смертушке привыкнуть. Наглядятся ещё, умаются, спокойнее потом станут.

Двое пленных были действительно «помяты»: у обоих наливались синяки под глазами, у одного из носа бежала обильно кровь. Сидели они спина к спине на земле, а подле них стоял караул со штыками на ружьях. Вид у обоих турок был испуганный.

– Ну что же, по горячему и допрашивать их будет легче, – решил Егоров и крикнул вестовому Афоньке: – Быстро сюда воды принеси! – Сам же присел на подставленный чурбак. – Rus müfrezesinin komutanıyım. Bunların hepsi benim insanlarım!¹ – и Алексей указал рукой на снующих по всей впадине солдат. – Эти воины – егеря, у вас их зовут «зелёные шайтаны»? Правильно? Вы поняли, что я вам сказал? Отвечайте!

– Да, господин! – затараторили оба пленных. – Смилуйтесь, не убивайте нас, мы не сделали русским ничего плохого! Мы ведь даже не успели поучаствовать в боях. Нас вот только две недели назад пригнали сюда из Варны, а туда доставили кораблями из Египта.

– О как! – удивился Егоров. – Афанасий, дай-ка пленным воды, пусть они немного в себя придут!

Вестовой развязал горловину на кожаном мешке и подал его самому бойкому. Пока тот жадно пил, второй турок, вздрагивая, вглядывался расширенными от страха глазами в то, как егеря сноровисто стаскивают в одно место его убитых сослуживцев.

– Будете говорить правду – останетесь живы! – продолжил допрос Егоров. – Вас перевезут как пленных за реку, станете потом земляные укрепления строить, а спать и есть в тепле будете. Не начнёте бунтовать – значит, останетесь живы и вернётесь после окончания войны к своим семьям. А многие из тех османских воинов, кто сейчас пока что на своих конях скачет, полягут в будущих битвах. Так что вам ещё крупно повезло, что вы попали сейчас в плен и что можете быть полезны русскому командованию. А теперь отвечайте на мои вопросы! Кто вы и как вас звать?! В каком отряде служили, и как звали вашего командира?! Сколько воинов в вашем отряде, где и какие вы видели вообще турецкие отряды, после того как вас высадили в Варне?!

Пленные начали наперегонки и перебивая друг друга тараторить этому страшному русскому с ружьём, задающему вопросы на таком хорошем турецком:

– Да, господин, нам очень, очень хочется быть полезными русскому командованию. Меня зовут Фатих, а это Бурак. Мы уже три года не видели свои семьи, с тех пор как наш алай перевели из благословенной Анталы в Египет на усмирение мамлюков. Там было тепло и сытно, а местные глаза не смели поднять на воинов султана. Но месяц назад нам приказали грузиться на большие корабли и отправили по морю в эту северную Румелию.

Высадившись в Варне и немного отдохнув от морской качки, они отправились к границе с Валахией, где и узнали, что с русскими опять началась война. Здесь им очень плохо, каждый местный смотрит волком, и к нему даже спиной поворачиваться страшно.

¹ Я командир русского отряда. Это всё мои люди! (Тур.)

– А какой тут холод и какая дрянная пища! – причитал Фатих. – А начальство в тёплых домах сидеть не даёт, постоянно выгоняет нас на объезды этой огромной реки.

– И фураж тут худой, наши кони на нём истощали, – вторил ему Бурак.

– Так, расскажите-ка, где стоит ваш алай и какие ещё войска султана вы видели по дороге сюда и пока объезжали здесь реку, – Егоров перебил пленных, направив их рассказ в нужное ему русло.

* * *

Основной состав роты высаживался волной на берег. Цепь егерей выскочила на обрыв и, пробегая мимо выбитой турецкой стоянки, проследовала дальше, занимая плацдарм. Через несколько минут показались на реке и лодки орловцев. Майор Шипилов с интересом оглядывал место недавнего побоища.

– Сколько их тут было всего, Егоров?

– Двадцать пять, Ваше высокоблагородие. Двадцать три трупа, и ещё двое пленных, – доложил поручик. – При них штатное оружие, но оно так себе, – покачал он головой, – никакое. А вот три десятка коней очень даже неплохие. У меня есть люди, кто в этом разбирается.

– Кони – это хорошо, – кивнул Шипилов. – Можно будет на них запорожцев посадить. Для казаков конь – радость, а у нас хоть какая-то кавалерия будет, чтобы тот же дозор вести и связь между командами держать. Никто, надеюсь, не ушёл из стоянки, когда вы её брали?

– Никак нет! – покачал головой Егоров. – По-тихому у нас всё получилось. И мы там этих двух пленных допросили, пока ещё было время. Есть кое-что интересное в их рассказе. По дальним местоположениям османских войск я донесение в штаб самолично отправлю, а вот по близким – это уже вам решение, как командирам нашего поиска, принимать.

– Однако лихо тут у вас, Егоров, в особой роте, – покачал головой майор. – Неужто и толмачи в ней хорошие есть?

– Так точно, Ваше высокоблагородие, понимают у меня по-басурмански некоторые, нам ведь в нашей службе это очень порою бывает нужно, – ответил Алексей. – Из рассказа пленных нам стало известно, что чуть ниже по течению, в паре вёрст отсюда, у места традиционной переправы турки нарыли за этот год земляные укрепления-шанцы. В них расположили несколько пушек, которые, как они утверждают, глядят в основном на реку и на фланги. В тыл, с их слов, было выставлено всего лишь одно орудие, но они могут и ошибаться, хорошо-то они там не присматривались. Из гарнизона на этих шанцах сотен пять пехоты из азабов. Войско из ополчения, по их словам, вооружено очень плохо, да и службу они свою несут спустя рукава, даже сами сипахи, прибывшие сюда из Египта, это заметили. Вообще, все здесь ждут подхода боевых частей из глубины османских земель. Сейчас здесь в основном войска не первой свежести и набранные в ближайших провинциях. Так, далее по существу, – продолжил свой доклад Егоров. – Недалеко, верстах в десяти вверх по течению, в деревне Еникюй стоит весь алай этих пленных сипахов под началом Мустафы-паши. В нём около тысячи всадников, гарнизон из пары сотен пехоты, ну и ещё сотни две иррегулярной кавалерии из татар. По словам пленных, пушек в деревне нет, караулов немного, потому как никто вообще не ждёт нападения от русских из-за холодной и огромной реки. Ну и так есть ещё пара-тройка сёл неподалёку, но там в каждом по десятку-другому турок стоит, и больших гарнизонов в них нет. Зато в Гуробале, а это в двух десятках вёрст отсюда, их там несколько тысяч, и кого там, по словам пленных, только нет!

Шипилов внимательно дослушал рассказ и после небольшой паузы принял решение:

– Пока не подошли две другие наши поисковые партии, думаю, что самое правильное было бы выбить турок из шанцев. Если мы затайем с этим, то потом выковыривать их из-за

укреплений будет очень непросто, даже азабы могут большой крови отрядам стоять. Ты как, поручик, «по своим делам» уходишь или пока ещё с нами?

Лёшка взгляделся в глаза майора и улыбнулся.

– С вами, Алексей Сергеевич. Вот с этих шанцев турок выьем, а потом уже «по своим делам» прогуляемся.

– Добро, – усмехнулся штаб-офицер. – Тогда можете выдвигаться. Обложите эти укрепления, рассмотрите всё там, что удастся, а я, как с подполковником, бароном Ферзеном, всё здесь согласую, сразу же подтянусь к вам со всей своей партией.

– Хорошо, Ваше высокоблагородие, – кивнул Лёшка. – Тогда мы вам оставим одного пленного для подполковника, а одного с собой забираем. Они оба уже согласились нам помочь в обмен на жизнь и на хорошие условия содержания в плену. С ними и на Еникюй, и к шанцам будет проще выйти.

Фатих вывел роту прямо к тыловой части земляных укреплений. На небе светила луна, и их можно было хорошо разглядеть с тех трёх сотен шагов, где расположились в буковой роще егеря.

Полевые укрепления были устроены достаточно просто. Состояли они из большого квадрата земляных валов в три аршина высотой и длиной сторон в три сотни шагов каждая. Перед валами был широкий, но неглубокий ровик, а перед ним под углом в землю были воткнуты рогатки и заострённые колья. Коннице такие укрепления были явно не по зубам, да и атакующую пехоту они вполне могли перед валами задержать. А в это время с валов будут бить стрелки, укрытые за ивовыми плетнями и за набитыми камнями и землёй корзинами. Ну и пушки ещё подбавят, конечно же, огоньку с картечью.

В том, что они, эти пушки, там есть, Лёшка не сомневался, просто их амбразуры были пока закрыты, но показаниям пленных верить было можно, ведь «пели» они искренне и с большим вдохновением. Тем не менее возле Фатиха всё время стоял угрюмый Яша. Вид этого здоровяка с косым шрамом через всё лицо и блеск его обнаженного тесака постоянного напоминали турку обещание русского командира, что стоит ему только крикнуть или же неосторожно себя повести, как вот этот самый злой зелёный шайтан ему тут же «секир башка» сделает.

– Вот с этой стороны дорога на Силистрию идёт, и на ней сразу же несколько пушек на неё с валов смотрят, прикрывая въезд в ворота. Я их хорошо разглядел, когда мы туда с дозором заходили, – рассказывал пленный. – Вон там тоже пушки есть, они на реку смотрят, и с этой стороны я тоже их пару видел. А вот про эту южную сторону я ничего не знаю, она ведь тыловая, и, как мне кажется, там постов азабов менее всего было.

– Так и есть, вашбродь, – подтвердил Лужин. – Мы почти что до самых рогаток там доползли, по этой стороне только два поста стоят, и на самих валах костры жгут. Светят-то они неплохо, но прежде всего себя и ослепляют. В самом центре всей стороны вала как раз таки самое тёмное место и будет.

– Ладно, тогда делаем так, – принял решение Егоров. – Дожидаемся майора с орловцами. Как только они прибудут, предложим расставить по полусотне солдат с каждой из сторон. С южной пусть оставляет целую сотню. Сами мы как можно ближе подходим к валу с этой самой южной стороны, выбиваем на нём караулы и закидываем уже с него гренадами лагерь. В это самое время майор со своей гренадерской ротой врывается в лагерь и вытесняет турок в сторону реки. Думаю, они попробуют в разные стороны разбежаться, вот тут и нужны будут те полусотни, которые мы по всем сторонам выставим. Встретят они их там штыками и огоньком.

* * *

Время уже перевалило за вторую половину ночи. У турок только что сменились караулы, и две их свежие пятёрки на валу подбросили дрова в костры.

– Иш как распалили! Небось, весь лес в округе перевели, недаром роща такая худая, – проворчал вполголоса Карпыч, поправляя ветошь на своём штуцере. – Проверь-ка обмотку, Афонька, не дай Бог твоё ружжо какой блик даст, сразу же тогда турку всполошим!

Молоденький вестовой засуетился, поправляя тряпицу, а Лёшка чуть приподнялся над землёй. Большая сотня егерей распласталась неровными рядами на земле, на самом подходе к валу. Первые рогатки были от них уже в каких-то двух десятках шагов. Вот яркость пламени в кострах немного упала, ещё немного – и наверняка караульные будут подкидывать в них новые дрова.

Пора... Лёшка привстал на колени и махнул рукой. Сто двадцать тёмных фигур разом поднялись и, согнувшись, побежали вперёд. Десять, пятнадцать, двадцать шагов бега, и вот они, первые рогатки, заострённые колья и просто какие-то вбитые в землю палки. «Как хорошо, что в этом веке нет колючей проволоки-путанки или тех же сигнальных или обычных мин», – подумал Егоров, подныривая перед заострённой рогатиной.

В острых рядах препятствий были свои разрывы и места для прохода, именно в них-то и устремились сейчас егеря.

Дун! Дун! У кого-то ударились о дерево ружьё или ножны сабли.

– Неу, bu gürültü ne?² – раздался окрик с вала. И тут же донеслись многочисленные возгласы:

– Тревога, тревога! Русские на валы идут!

«Бах! Бах!» – хлопнули два первых выстрела. Ну, всё, понеслось! Алексей прицелился и, выдохнув, плавно выжал спусковой крючок. Бах! Сноп яркого пламени от сгоревшего пороха на мгновение его ослепил. Бах! Бах! Бах! Раздались десятки выстрелов от атакующей цепи, выбивая хорошо освещённые кострами фигурки.

– Ура! – он громко заорал, выскакивая одним из первых на земляной вал.

– Ура-а-а! – нёсся сзади рёв сотен голосов егерей и гренадёрской сотни. Перед поручиком внизу был лагерь с сереющими рядами палаток, шатров и десятками костров. Там уже метались фигурки людей, слышался шум и панические крики.

– Гренадами бей! – отдал он команду, сам поджигая фитиль на своём метательном снаряде. – На! – Чугунный шарик сверху улетел шагов за тридцать. «Бабах!» – грохнул первый разрыв, разнося на пару десятков шагов мелкие осколки, обречь и дробины. «Бабах! Бабах! Бабах!» – стена разрывов встала перед южным валом и разметала дежурную полусотню абазов, устремившуюся на шум.

– Быстрым зарядом бей! – поручик отдал новую команду, сам заряжая свой штуцер.

Вколачивать в нарезы пулю нужды уже не было, тут до противоположной-то северной стороны валов было чуть больше двухсот шагов, так что вполне себе даже подойдёт и «быстрая» пуля. Лёшка обернул её, с такой характерной выемкой в виде свинцовой юбочки, патронной бумагой и с натугой протолкнул к пороховому заряду шомполом до самого упора.

Ну вот, тридцать, от силы сорок секунд – и уже можно снова стрелять! Он выбрал одну из мечущихся внизу фигурок и спустил курок. «Бах!» – тяжёлая пуля штуцера отбросила на землю уже мёртвое тело турка.

– Ура-а!! – На вал из-за спин егерей забиралась гренадерская сотня.

– Вперёд, братцы! – проорал Шипилов и, размахивая обнажённой шпагой, бросился с орловцами вниз, в лагерь. Гренадёры, здоровенные пехотинцы с примкнутыми к фузеям штыками, с рёвом неслись вперёд, сметая небольшие группки сопротивляющихся. А с валов всё слышалось: «Бах! Бах! Бах!» – это их поддерживали огнём егеря.

² Эй, что за шум? (Тур.)

– Рота, надеть штыки! – выкрикнул новую команду поручик и сам защёлкнул свой кортик на штуцере. Бить пулей теперь было опасно, в сумятице ближнего боя можно было запросто попасть и по-своему. – В атаку, ура-а!

– Ура-а! – заревели егеря и понеслись вслед за орловцами.

Организованного сопротивления азабы оказать не смогли, их дежурную полусотню, брошенную на шум, разметало уже разрывами гранад. Остальные, выдернутые грохотом боя из спокойного сна, в панике бросились прочь от разящих их пуль и от штыков орловцев в противоположную, казавшуюся безопасной, северную сторону. Но там их тоже ждали пули и штыки боковых заслонных полусотен. Путь был один – в Дунай, или же сдаваться на милость этих страшных русских. Около полутора сотен турок выбрали плен, остальные четыре были убиты или же утонули в ледяной воде.

* * *

– Всё, Ваше высокоблагородие, теперь мы уже по своим делам побежали. Совсем скоро уже рассветет. – Поручик взгляделся в сереющий с востока краешек ночного неба. – Мы вам двух наших раненых оставим, вы уж приглядите за ними, хорошо, Алексей Сергеевич? Ранито у них пустяшные, но в нашем деле они нас всех тормозить будут.

– Не волнуйтесь, Алексей, – успокоил егеря Шипилов. – И присмотрим за ними, и на тот берег твоих ребят переправим, геройские они у тебя, как-никак вместе ведь мы в штыки эти вот шанцы взяли!

Их высокоблагородие были в духе. Похвалиться перед командованием за этот поиск ему было чем. Взяты прибрежные укрепления, при более чем шестисотенном гарнизоне против всего трёх сотен русских. При этом захвачено восемь орудий и масса всякого боевого припаса. С собой в Валахию русские из шанцев уводили полторы сотни пленных азабов. Всех остальных врагов из гарнизона они почти полностью перебили. И всё это при потере двух рядовых да десятке раненых. Нужно было себе признать: большую роль в этом сыграли егеря вот этого стоящего перед майором молодого поручика, его тёзки. «Отменно воюет особая рота! Хотя в донесении можно о них даже и не писать. Всё равно ведь взятие этих шанцев было главной целью для орловской пехоты, а у них есть своё дело, вот, значит, нам и лавры», – думал сейчас премьер-майор.

Теперь его более всего занимали мысли, что же ему делать с этими захваченными в укреплениях пушками. Пожалуй, парочку самых лёгких можно было бы с собой и забрать, так будет гораздо эффективней. И командир поисковой партии прямо-таки представил кусок текста из реляции командующему: «...сводный отряд премьер-майора Шипилова два захваченных орудия вывез на свой берег, а остальные утопил в реке...» Или нет, лучше: «...сводный отряд премьер-майора **Орловского пехотного полка** Шипилова Алексея два захваченных в шанцах орудия вывез на свой берег, а остальные утопил в Дунае...» (ну или как вариант – заклепал).

«Да, так, пожалуй, будет лучше, – кивнул он сам своим мыслям. – Тут как бы и командиру полка Николай Даниловичу Языкову будет приятно, ведь это про его орловцев в победной реляции упомянули».

– Удачи тебе, поручик! Не волнуйся за своих раненых, как только основные силы сюда для переправы подойдут, их первыми на ту сторону перевезём! – попрощался с командиром егерей Шипилов, обдумывая теперь, что же ему все-таки лучше сделать с пушками.

– Рота, за мной! – отдал команду Егоров, и егеря понеслись в южную сторону. Восток светлел всё больше. Ещё немного – и весеннее солнце осветит там сначала полнеба, а затем зальёт всю эту болгарскую землю своим благодатным теплом и светом.

– Бегом, бегом, быстрее! – поторапливал плутонги Лёшка. – Не успеем, братцы, если мы тут телиться будем!

Расчёт у него был простой. Подполковник Ферзен с рассветом атакует деревню Еникюй, выведенный на неё пленным проводником. Турки не ожидают нападения русских, хороших укреплений, чтобы за них зацепиться, у них там нет. Так что Мустафе-паше с его сипахами там явно не поздоровится. Какую-то часть турецкой конницы в деревне, конечно же, перебьют, ну а всю остальную рассеют по окрестностям. И в числе последних непременно должен будет оказаться сам паша со свитой. Военачальники турок всегда держали при себе отборных воинов, которые были преданы своему господину, потому как они лучше вооружены, прикормлены, а их командиры состояли с ними в родстве или же были их земляками.

«Выскочит командир алая из деревни, пробьётся, непременно прорубит себе тропинку со своей лучшей сотней», – думал Егоров, оглядывая строй пыхтящих егерей.

Вот уже час как неслась его рота в южную сторону. Именно сейчас где-то в нескольких верстах от них пехота с запорожскими казаками была турок в Еникюе. Куда устремится Мустафа-паша со своими приближёнными? Одна оставалась ему дорога – на юг в сторону Гуробал. Там стоит сильный гарнизон с пушками и есть большой отряд кавалерии.

Как вариант, можно было, конечно, уйти и к Силистрии, но это далеко, а Гуробалы – вот они, совсем рядышком. Где-то совсем скоро должна быть уже и дорога на них. Срезая большой крюк, на неё-то и выходила сейчас особая рота егерей.

«Эх, была бы приличная карта, – сокрушался про себя Егоров. – Ну вот как тут воевать, когда здесь одни направления и определения: “далеко”, “близко”, “туточки”?»

– Есть дорога, есть она, вашбродь! – раздался крик от головы колонны. К поручику рысил Борька. – Впереди, в полверсте от нас, она идёт, всё как вы и говорили, и набита хорошо, и в ту сторону, куда нужно, тянется. Место, правда, там не больно удобное, большого леса нету, так, только кустики в человеческий рост.

– Ладно, – выдохнул Егоров. – Молодцы, дозорные, главное, что дорога есть, найдем, где возле неё затаиться!

Место для засады было действительно «не очень». Хорошо натопанная дорога шла по протяжённому степному участку, покрытому невысоким кустарником.

– Ладно, с сотней-то они справятся, а вот если от Гуробал накатит целый алай? Посекут ведь всех, никакое умение и сноровка не помогут от них отбиться на такой открытой местности!

Далеко, верстах в пяти-шести в той стороне, откуда должны были появиться недобитки, виднелся лес.

– Туда роте точно не успеть, будем принимать пашу здесь! – решил Лёшка и остановил свой отряд. – Братцы, времени в обрез, слушайте меня внимательно! Скоро от того леска выкатит османская конница из недобитого отряда. Сколько их там будет, никто не знает, и встречать мы её будем здесь. Во всей их толпе нас интересуют только сам паша и его приближенные. Как отличить простого всадника от командира, вы все и так прекрасно знаете, будьте внимательнее, по начальству не стрелять, бить их коней, они нам нужны только живыми. Всех остальных расстреливайте уже смело. Залегаете с юга подковой, эта сторона чуть выше северной, маскируемся и ждём! Командиры, проверьте диспозицию своих подразделений!

– Всё, успели, – выдохнул Алексей. – Ну, теперь ждём «гостей»!

«Гости» появились очень скоро, чуть задержись рота в пути – и это место они бы точно проскочили. А сейчас Егоров наблюдал в окуляр своей трубы, как из леса в их направлении выкатывается сотни полторы всадников.

– Ага, хорошо! Смотри-ка, каким сбитым отрядом сипахи идут, а не так, как рассеянные и испуганные иррегуляры. Значит, неплохой командир Мустафа, сколотил возле своих телохранителей и свиты остатки алая и теперь к Гуробалам поспешает за подмогой.

– Внимание, егеря! – выкрикнул поручик. – Приближается турецкая конница, навскидку их полторы сотни. Действуем, как всех учили: чётко, быстро, но без суеты! И помните: сам паша нам нужен живой, за таким языком мы сюда с вами и пришли!

Алексей прилёг под куст и поставил курок штуцера на боевой взвод. Ждём. Лишь бы сипахи раньше времени не заметили засаду! Слишком тут чахлые кустики для укрытия более чем сотни стрелков.

У турок было ужасное утро! На рассвете их поднял рёв сотен глоток этого страшного русского «Ура!». Гренадёры со штыками на ружьях ворвались в деревню и начали колоть всех тех, кто выбегал из домов или выскочил от ночных костров. «Гайда!» – орали казаки-сечевики и рубили их в пехотных порядках саблями. А три десятка казаков даже рубили сипахов с коней. Сопrotивляться было бесполезно. Русские выбивали те маленькие островки отважных воинов султана, которые пытались им противостоять. Спасение было лишь в том, чтобы убраться от этого места подальше. Первая сотня, под командой племянника паши Рамзана, приняла на себя удар врага в центре деревни и дала уйти алай-бею Мустафе вместе со знаменем и с ближайшей свитой. Она потеряла половину своих воинов, но благодаря отваге телохранителей и племянника полторы сотни смогли выскочить на дорогу, ведущую к Гуробалам, и теперь им уже ничего не угрожало. Позади от верховых казаков их прикрывали остатки отряда Рамзана, и нужно было поскорее добраться до своих.

«Ничего, знамя алая со мной, казна и важные бумаги – у главного писаря в больших суммах, – думал паша. – Главное – представить бой с русскими не как поражение, а как успех, и можно будет пополнить новыми людьми свою выбитую тысячу».

Лёшка прицелился и плавно нажал на спусковой крючок. «Бах!» – приклад ударил в плечо, и знаменосца-байрактара выбила из седла тяжёлая пуля штуцера.

«Бах! Бах! Бах!» – били фузеи и штуцера роты. На землю валились всадники и лошади. Курт выбрал для себя цель: «Вот этот бородатый турок в ярко раскрашенном халате и в белоснежной чалме явно не простой всадник». Он выбрал свободный ход спускового крючка, посылая пулю. Лошадь бородача вздыбилась и завалилась на землю вместе с седоком.

«Бах! Бах! Бах!» – егеря посылали пули вдогон ополовиненному отряду. И ещё десяток всадников, рассыпавшихся по степи, выпал на землю.

– Прекратить стрельбу! Всем перезарядиться! – скомандовал Егоров, вглядываясь вдаль.

Три десятка всадников, что скакали в их направлении от леса, резко развернулись и сквозь кусты устремились в противоположную сторону.

– Похоже, заслон был, – кивнул на них поручик. – Ничего, и тут достаточно их набили, лишь бы только кто надо живой среди них был!

Егеря уже сновали между лежащими. «Бах! Бах!» – раздалось несколько выстрелов.

– Скотинку дострелили, вашбродь, чтобы не мучилась, – доложил Дубков. – Около семи десятков всадников здесь набили, с дюжину из них лежат раненые. И вот ещё, восемь лошадей положили, все их хозяева туточки. Правда, это, двое вроде как там бездыханные лежат, – и старый унтер отвёл виновато глаза в сторону.

– Не понял! – протянул Егоров, подходя к месту побоища. – Что значит бездыханные, Макарыч? Сказано ж было не стрелять в начальников!

– Ну да-а, – протянул сержант. – Три раза говорено было всем. Однако кто-то одному в цветастом халате фузейную пулю в лоб зарядил. А другой вот сам себе шею сломал, видать, с лошади неудобно громыхнулся.

– Всех раненых вон на ту полянку, быстро осмотрите поклажу. Там ещё где-то знамя было, я самым первым своим выстрелом байрактора уложил, – распорядился поручик.

Через несколько минут беглого допроса дюжины пленных каждый стрелок в роте знал – командир очень, очень злой, и ему лучше на глаза не попадаться! У каждого появилось дело:

кто-то убежал в дозор, кто-то перетаскивал на обочину убитых, а у кого-то шёл подсчёт трофеев.

Лёшка стоял темнее тучи у горстки жмущихся друг к другу турок. Весь его план с пленением командира алая сипахов Мустафы-паши накрылся медным тазом. Вот это был бы язык так язык, а чего взять с этих командиров сотен? Что они могут знать о дислокации войск противника в глубине провинции?! И он в очередной раз взглянул на лежащее тело тысячного османского начальника.

– Стрелок хренов! – чертыхнулся ротный. – Знать бы, кто это был, из караулов бы месяц у меня не вылезал! Спрашиваю ещё раз, – обратился он к пленным на турецком. – Есть кто-нибудь здесь выше сотника? Говори! – и он уставился в испуганные глаза невысокого полного турка.

– Господин! Я вообще не командую сотнями, у меня в подчинении всего-то от силы с десяток своих людей было! – запричитал скороговоркой пленный.

Однако одет он был не хуже каждого из здесь стоящих: шёлковый халат, яркий пояс вместо воинского ремня, хорошо выделанные кожаные сапожки с острыми носами. По всему было видно, что непростой это человек был в османском алае.

– Этого отведите во-он к тому кусту, – кивнул Лёшка конвойным. – Я скоро туда к вам сам подойду.

Закончив быстрый допрос с остальными, Егоров подошёл к отведённому в сторону толстячку. Стоящий перед двумя егерями с направленными на него кинжалообразными штыками, этот турок, наверное, уже несколько раз уже попрощался со своей жизнью. Чего ему ещё ждать от тех, кто разгромил их алай и убил сотни его воинов во главе с пашой? А уж про этих русских, зелёных шайтанов, так и вовсе столько страшных историй рассказывали среди тыловой братии. Наверное, пришло время и ему умирать под этим кустом, и пленный свалился прямо под ноги русскому офицеру.

– Не убивайте меня, господин, я ведь даже не воин! Я всю жизнь зарабатывал себе на жизнь чернилами и пером, пока меня не призвали в войско султана!

– Поднимите его, – приказал конвойным поручик и брезгливо поморщился. – Кто ты, как тебя зовут, и кем ты служил в алае у Мустафы-паши? Будешь отвечать искренне – ничего плохого с тобой не случится! – Егоров как можно строже посмотрел на пленного.

– Да, да, я всё понял, господин, – закивал тот головой. – Меня зовут Огюз. Я служил старшим писарем у паши в его тысяче, но совсем недолго. До этого я был писарем в гарнизоне крепости Шумлы, и буквально несколько недель назад меня определили в этот алай, уходящий к Дунаю, а он сам только что недавно прибыл по морю из Египта.

Егоров вслушивался в речь турка и не мог поверить своим ушам. Перед ним стоял настоящий качественный язык, да нет – перед ним стоял целый язычище! Кто, как не писари в гарнизонах центральных крепостей, знал про все части, проходящие к линии противостояния двух армий? Про все их потребности в фураже и в продовольствии, в оружии и в людях, в конях, да хоть в чём! Они были посвящены во все прочие многочисленные сведения, касающиеся всего того, что только было нужно в войсках! А уж Шумла – это была самая центральная, ключевая крепость, стерегущая дорогу к Стамбулу в самой глубине северной османской Болгарии. Практически ни один отряд турок, идущий на войну с русскими в Валахию, не мог миновать её стороной! Вот это была удача так удача!

Как видно, Огюз истолковал улыбку русского командира по-своему. Всё-таки его будут убивать, вон как кровожадно усмехается, глядя на него, этот самый главный зелёный шайтан! И он опять грохнулся перед ним на колени, громко подвывая.

– Чтобы даже комар не посмел сесть на этого пленного! – Чтобы ни один волосок с него не слетел! – наставлял своего главного ротного интенданта поручик. – Он один целой дивизии турок стоит, ты меня понял, Ёлкин!? Весь свой тыловой десяток под его охрану выставь. Хоть

на руках его несите, но глядите, чтобы он живой и невредимый на ту сторону реки переправился. Тебе всё ясно?!

Потапу всё было ясно. Приказ командиром был изложен более чем доходчиво. Видать, очень ценным этот пленный был, коли их благородия так за него волновались. И он, перехватив свой штуцер поудобнее, зверовато посмотрел на проходящую мимо егерскую пару.

– Даже и не вздумайте вот к этому близко подходить, робята! Идите-ка вы отсель подобру-поздорову!

– Да мы только глянуть, Потап Савельич, что это за важная птица нам попалась, – шмыгнул носом молоденький солдат. – С виду вроде ничего особого, турка как турка, жирнянький такой.

– Иди, иди отсель, «жирнянький», – передразнил его унтер. – Много ты чего понимаешь, поди, в турке! Молодой ещё, без году неделя вон в особых егерях, а всё туда же! Даже вон хвоста ведь себе ещё на картуз не нашили! Коли их благородия сказали, что это очень важный пленный, значит, так оно и есть!

А поручик Егоров в это время принимал вторую приятную за это утро новость. Барабанщик Лёнька нашёл-таки под убитой лошастью знамя алая. Древко его было сломано, всё оно замаралось в крови, но главным в нём было само полотнище. Вот оно, большое, шёлковое, квадратное, с основным красным фоном стяга. Внутри его два прямоугольника фиолетового и чёрного цветов, а на них виднелись какие-то письмена арабской вязи, вышитые серебряной нитью. Читал на арабском Лёшка скверно, считай, что вообще этой письменности не знал, но о чём здесь шла речь, он примерно понимал. Религию и верование своих противников поручик уважал и относился к таким вещам со всей серьёзностью.

– Молодец, Лёнька! – похвалил парня Егоров. – А я уж думал, утащили его с собой сипахи. Сверни-ка ты его аккуратно и держи при себе, будем командованию самолично в руки это трофейное знамя передавать!

Солнце взошло, и по его высоте можно было сказать, что утро было в самом разгаре, а это означало, что кавалерия в Гуробалах поднимется по тревоге. И путь им до этого места будет от силы полчаса, ну, максимум и при хорошем раскладе – минут сорок пять – пятьдесят.

– Хотя сразу они, конечно, в галоп не пойдут, – прикидывал Егоров. – Нужно же им будет покричать хорошенько, поохать, попереживать своим соплеменникам, вырвавшимся живыми от русских. И только потом, вдохновлённые речью высокого начальства, выедут они на войну с неверными.

И всё равно времени у егерей было в обрез!

– Рота! С собой берём только целых пленных, все раненые турки остаются здесь. Трофеями не обременяться, если только пистолями и холодным оружием под себя. Бего-ом марш! Заслоном идёт первый плутонг! Быстрее, быстрее, шевелимся, братцы!

Как бежали сюда егеря буквально час назад, так же в ускоренном темпе неслись они сейчас и в сторону дунайской переправы. В скорости этого движения было сейчас их спасение. Вот-вот можно было уже ждать появления погони за спиной.

Как ни старался Огюз перед русскими, но сил и сноровки бежать в таком темпе у него не было. Он очень пытался спешить, понимая, что в этом сейчас вся его жизнь, но уже ничего не мог с собой поделать. Ноги толстячка заплетались, и наконец писарь свалился на землю в изнеможении. Всё, теперь-то его точно вот тут же прям и заколют!

– Чего встали?! А ну подняли пленного и ножками, ножками быстрее! – прикрикнул на свою команду Потап. – Четверо несут, остальные охраняют, а потом меняются!

Наконец показались и береговые шанцы. Через Дунай сновали казачьи лодки, перевозящие на противоположный берег беженцев из двух селений. Военные поисковые команды ждали своего часа рядом. По валам шанцев слонялись какие-то люди. Возле небольшого орудия стояли впряженные в ременную упряжь около пары десятков здоровяков-гренадёров.

– Раз, раз, раз! Пошла, родимая! – орал капрал, руководящий всей этой командой.

Егоров подбежал к стоящим особняком штаб-офицерам и, выделив в общей группе Ферзена, обратился к нему с докладом:

– Ваше высокоблагородие, особая егерская рота свою задачу выполнила. Нам необходима одна лодка для переправы на наш берег особо ценного пленного. С основным составом мы готовы поступить в ваше дальнейшее распоряжение.

– Молодцы, егеря, – похвалил поручика барон. – Господин Шипилов уже доложил про вашу поддержку в ночном бою по овладению шанцами. Отражу это в своём рапорте. Думаешь, скоро вражеская конница подойдёт?

– Так точно, очень скоро, – выразил своё мнение Алексей. – До Гуробал тут всего ничего, скоро накатит дозор, а потом и основные их силы подлетят.

– Эх, – вздохнул подполковник. – Нам бы ещё часик здесь продержаться. Мирных жителей пришлось выводить, их бы непременно побили османы. Ладно, будет вам лодка. С ней мы переправляем вашего пленного и человек пять из конвоя. Все остальные свободные места будут под раненых, – и обернулся к командиру орловцев. – Алексей Сергеевич, ты с егерями эти шанцы брал, вам их и защищать теперь придётся. Вон поручик утверждает, что скоро уже конницу здесь нужно ждать, а у нас ещё даже мирных на тот берег не успели переправить. Устраивай с егерями оборону!

Через несколько минут Алексей прощался с Гусевым:

– Пакет этот, Сергей, и пленного писаря лично в руки полковника фон Оффенберга передашь! Там рапорт по всему нашему поиску и кое-какие сведенья. Всё остальное он и сам из этого языка вынет. С тобой в конвое будет Лёнька, у него знамя разбитого алая сипахов. Приглядите за нашими ранеными. Ну да ты и так всё сам знаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.